

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2023 года
Выходит 4 раза в год

**№ 2 (2)
2023**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакция

Главный редактор: Б.В. Долгов – д-р истор. наук

Ответственный секретарь: М.М. Вантеевский

Редакционная коллегия:

Б.В. Долгов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Институт востоковедения РАН;
И.О. Абрамова – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН;
А.К. Алихберов – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН;
Р.И. Беккин – д-р экон. наук, Институт Африки РАН, РГПУ им. А.И. Герцена;
А.Г. Володин – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД России; *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, заведующий сектором, ИНИОН РАН;
Д.А. Дегтерев – д-р полит. наук, канд. экон. наук, РУДН; *А.В. Кузнецов* – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России; *В.А. Мельянцев* – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; *В.С. Мирзеханов* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, ИВИ РАН; *В.Я. Портяков* – д-р экон. наук, Институт Китая и современной Азии РАН; *С.В. Прожогина* – д-р филол. наук, Институт востоковедения РАН; *М.А. Сапронова* – д-р ист. наук, МГИМО МИД России; *Л.Л. Фитуна* – д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН; *В.Л. Хейфец* – д-р ист. наук, СПбГУ; *Л.А. Черешнева* – д-р ист. наук, Липецкий пед. гос. университет; *Г.И. Чуфрин* – д-р экон. наук, академик РАН, ИМЭМО РАН; *П.П. Яковлев* – д-р экон. наук, Институт Латинской Америки РАН, ИНИОН РАН; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences), University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-82736 от 27.01.2022

DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.00
ISSN 2949-1711

© ИНИОН РАН, 2023

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

**POSTCOLONIALISM
AND CONTEMPORARY WORLD**

ACADEMIC PUBLICATION

Published since 2023
4 issues per annum

**N 2 (2)
2023**

Founder

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial

Editor-in-Chief: Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences

Executive secretary: Makar M. Vanteevskiy

Editorial Board:

Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Institute of Oriental Studies RAS; *Irina O. Abramova* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute for African Studies RAS; *Alikber K. Alikberov* – Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies RAS; *Renat I. Bekkin* – Doctor of Economic Sciences, Institute for African Studies RAS, Herzen University; *Andrey G. Volodin* – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Dilomatic Academy of the MFA of Russia; *Alexander V. Gordon* – Doctor of Historical Sciences, head of the sector, INION RAN; *Denis A. Degterev* – Doctor of Political Science, PhD in Economics, RUDN University; *Alexey V. Kuznetsov* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, INION RAN, MGIMO MFA of Russia; *Vitaly A. Melyantsev* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute of Asian and African Studies MSU; *Velikhan S. Mirzeh-khanov* – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Institute of World History RAS; *Vladimir Y. Portyakov* – Doctor of Economic Sciences, Institute of China and Modern Asia RAS; *Svetlana V. Prozhogina* – Doctor of Philology, Institute of Oriental Studies RAS; *Marina A. Sapronova* – Doctor of Historical Sciences, MGIMO MFA of Russia; *[Leonid L. Fituni]* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute for African Studies RAS; *Viktor L. Kheifets* – Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University; *Larisa A. Cheresh-neva* – Doctor of Historical Sciences, Lipetsk State Pedagogical University; *Gennady I. Chufrin* – Doctor of Economic Sciences, Academician of RAS, IMEMO RAS; *Piotr P. Yakovlev* – Doctor of Economic Sciences, Institute of Latin America RAS, INION RAN; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences), University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ №. ФС 77-82736

DOI: 10.31249/postcolonialism/2023.02.00
ISSN 2949-1711

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Портяков В.Я.</i> КНР и развивающиеся страны: от «духа Бандунга» к теории «трех миров» и к «Инициативе Пояса и Пути».....	7
<i>Моргунова О.А.</i> Деконструируя колониальность: почему в СССР не развился постколониальный дискурс.....	30
<i>Черешнева Л.А.</i> «К сияющим вершинам через долину тени»: проблема независимости и раздела Индии.....	45
<i>Сажин В.И.</i> Исламская Республика Иран: вчера, сегодня. А завтра?	63
<i>Долгов Б.В.</i> Ислам во Франции в контексте трансформации французского общества	93

CONTENTS

<i>Vladimir Ya. Portyakov.</i> China and Developing Countries: From the “Spirit of Bandung” to the Theory of the “Three Worlds” and Towards “Belt and Road Initiative”	7
<i>Oksana A. Morgunova (Petrunko).</i> Deconstructing Coloniality: Why There Were no Postcolonial Discourses in the USSR.....	30
<i>Larisa A. Chereshneva.</i> “To the Shining Peaks Through the Valley of Shadows”: The Problem of Independence and Partition of India	45
<i>Vladimir I. Sazhin.</i> Islamic Republic of Iran: Yesterday, Today. And Tomorrow?	63
<i>Boris V. Dolgov.</i> Islam in France in Context of the Transformation of the French Society	93

КНР И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ: ОТ «ДУХА БАНДУГА» К ТЕОРИИ «ТРЕХ МИРОВ» И К «ИНИЦИАТИВЕ ПОЯСА И ПУТИ»

Владимир Яковлевич ПОРТЯКОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
отдела политических исследований и прогнозов

Института Китая и современной Азии РАН,

117997, Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: portyakov47@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9188-2341

Статья поступила в редакцию 26.12.2022

Аннотация. Резкое ухудшение отношений с Западом делает объективно необходимой для России существенную активизацию связей с незападным миром. Естественно, одним из главных партнеров для РФ здесь может быть Китайская Народная Республика. Элементы взаимодействия двух держав в третьем мире имеются, в том числе в таких форматах, как Шанхайская организация сотрудничества, Россия – Индия – Китай, БРИКС (Бразилия – Россия – Индия – Китай – Южно-Африканская Республика). Однако значительная часть развивающихся стран таким взаимодействием не охвачена. Между тем однозначного ответа на вопрос о том, насколько возможно широкое и плодотворное для России сотрудничество в этой сфере, нет. Китай сегодня – один из главных партнеров третьего мира в сфере торговли и инвестиций, успешно конкурирующий с Западом и предлагающий свой опыт развития как образец для изучения и заимствования развивающимися странами. Экономические связи России со странами данного ареала намного слабее, да и солидных оснований претендовать на роль успешной модели развития у нее нет. Так что проблема возможного расширения партнерского взаимодействия КНР и РФ в третьем мире требует обстоятельного изучения. Данная статья имеет целью показать обобщенную, «крупными мазками», картину становления и эволюции политики Пекина в отношении развивающихся стран за

весь период существования КНР. Само по себе данное направление внешней политики Китая получило определенное освещение в отечественном обществоведении. В 1970–1980-е годы в ее раскрытии преобладал критический подход, например в работах М. Андреева [Андреев, 1980] и Т.Л. Дейч [Дейч, 1972]. В постсоветский период в эту работу включаются новые исследователи (и прежде всего Е.И. Сафонова [Сафонова, 2018]). И все же сквозного, всеохватывающего анализа отношений КНР с развивающимися странами пока еще недостает. Надеюсь, предлагаемая вниманию читателей статья послужит началом выправления данного недочета.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; развивающиеся страны; семь десятилетий взаимодействия.

CHINA AND DEVELOPING COUNTRIES: FROM THE “SPIRIT OF BANDUNG” TO THE THEORY OF THE “THREE WORLDS” AND TOWARDS “BELT AND ROAD INITIATIVE”

Vladimir Ya. PORTYAKOV

Doctor of Economics, Professor,
Senior research fellow of the Department of Political Studies and Forecasts of the Institute
of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences,
117997, Nakhimovsky Prospect, 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: portyakov47@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9188-2341

Received 26.12.2022

Abstract. The sharp deterioration of relations with the West makes it objectively necessary for Russia to significantly intensify ties with the non-Western world. Naturally, one of the main partners for the Russian Federation here may be the People's Republic of China. There are elements of interaction between the two powers in the third world, including in such formats as the Shanghai Cooperation Organization, Russia-India-China, BRICS (Brazil-Russia-India-China-South Africa). However, a significant part of developing countries are not covered by such interaction. Meanwhile, there is no clear answer to the question of how broad and fruitful cooperation in this area is possible for Russia. China today is one of the main partners of the third world in the field of trade and investment, successfully competing with the West and offering its development experience as a model for developing countries to study and borrow. Russia's economic ties with the countries of this area are much weaker, and it has no solid grounds to claim the role of a successful development model. So, the problem of further development of partnership between the PRC and the Russian Federation in the third world requires a thorough study. This article aims to show a generalized picture of the formation and evolution of Beijing's policy towards developing countries

over the entire period of the PRC's existence. By itself, this direction of China's foreign policy has received some coverage in domestic studies. In the 1970 s – 1980 s, a critical approach prevailed in its disclosure, for example, in the works of M. Andreev [Andreev, 1980] and T.L. Deutsch [Deutsch, 1972]. In the post-Soviet period, new researchers are included in this work (and first of all, E.I. Safronova [Safronova, 2018]). And yet, a cross-cutting, all-encompassing analysis of China's relations with developing countries is still lacking. I hope that the article offered to readers will serve as the beginning of correcting this shortcoming.

Keywords: People's Republic of China; developing countries; seven decades of interaction.

Периодизация

Политика в отношении развивающихся стран является важной составной частью внешней политики Китайской Народной Республики. Ее место как самостоятельного направления внешне-политического курса Пекина стало весьма заметным в 1970-е годы, вслед за самоидентификацией КНР как государства третьего мира. А с начала нынешнего столетия масштабы практического взаимодействия Китая с данной группой стран неуклонно расширяются в контексте выдвинутых китайскими лидерами инициатив «выхода национального бизнеса вовне» («цзоучуцой») и формирования новых сухопутного и морского «шелковых путей». При этом цели политики КНР в отношении развивающихся государств и ее практическое наполнение не оставались неизменными и подчас весьма радикально менялись.

Отследить этот процесс помогает реалистичная периодизация внешней политики страны за семь с лишним десятилетий ее существования. В последние годы в КНР утверждается укрупненная периодизация ее становления и развития. Период 1949–1978 гг., в основном совпадающий с годами лидерства Мао Цзэдуна, характеризуется как время, когда Китай «поднялся» (чжаньцилай). В период проведения политики модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости, когда лидерами Китая последовательно были Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао (1979–2012), страна стала «зажигочной» (фуцилай). А с конца 2012 г. по настоящее время в условиях лидерства Си Цзиньпина идет процесс «усилений» Китая (цянцилай). Соответственно этой логике выделяются и этапы внешней политики страны. Доминантой периода 1949–1978 гг. было отстаивание Китаем права на независимость и

равенство, а главным для периода 1979–2012 гг. было создание благоприятных международных условий для внутреннего экономического строительства. Наконец, период 2012–2019 гг. и далее отмечен «отстаиванием мира, развития, сотрудничества, продвижением и созиданием сообщества единой судьбы человечества» [Van Цялужун, 2019].

Не возражая против данной периодизации внешней политики КНР по существу, отметим вместе с тем, что она носит излишне обобщенный характер, затеняя многие важные детали и даже поворотные моменты в позиционировании страны на международной арене. Гораздо более адекватной реалиям и практически удобной представляется периодизация, предложенная известным американским китаеведом Д. Шамбо. В ней главные особенности внешней политики Пекина прослеживаются от десятилетия к десятилетию. 1950-е годы Д. Шамбо называет периодом изоляции (на наш взгляд, не вполне справедливо). 1960-е годы характеризуются фразой «от плохого к худшему», 1970-е – «Китай присоединяется к миру», 1980-е – «от оптимизма к пессимизму», 1990-е – «от изоляции к реабилитации». Для двухтысячных годов характерна дипломатия по всем направлениям, для 2010-х – «возросшая уверенность и более достойное место» [China&theWorld, 2020, р. 3–21]. Наверное, эта периодизация, отталкивающаяся от особенностей отношений КНР с Западом, не идеальна, но в целом она достаточно верно передает хронологию изменений в позиционировании Китая на мировой арене и вполне пригодна в качестве отправной точки для анализа его отношений с развивающимися странами.

Успех в Бандунге

Отправной позицией КНР на международной арене в первые годы ее существования стал лозунг «придерживаться одной стороны», т.е. действовать вместе с Советским Союзом и странами народной демократии. Тем не менее в 1950 г. Пекин установил дипломатические отношения не только с государствами социалистического лагеря, но и с рядом капиталистических стран. Эта «полоса признания» была надолго прервана после вступления китайских «добровольцев» в войну Севера и Юга Кореи на стороне КНДР,

вызывавшего негативную реакцию значительной части мирового сообщества.

В этой ситуации напрашивалось налаживание отношений со странами, освободившимися от колониальной зависимости. Они изначально воспринимались в Пекине как связанные с КНР общностью исторических судеб. Ряд проектов резолюций по прекращению военных действий на Корейском полуострове, внесенных в ООН группой азиатских и арабских стран в 1951 г., показал, что они способны выступать на мировой арене как самостоятельная коллективная сила. Китай взял курс на широкое развитие отношений с постколониальными национальными государствами, который дал первые весомые результаты в середине 1950-х годов [Чжунго дандай … , 2009, с. 68–70].

Важное значение имело соглашение с Цейлоном (ныне – Шри Ланка) о поставках на остров двухсот тысяч тонн китайского риса в обмен на ответные поставки пятидесяти тысяч тонн натурального каучука. Это стало прорывом американской блокады, когда под предлогом участия КНР в войне в Корее была введено эмбарго на продажу ей многих товаров, в том числе каучука. А поставка Китаем Цейлону риса по ценам ниже мировых стала, можно сказать, первой демонстрационной акцией нарождавшейся китайской экономической дипломатии [Чжунго дандай … , 2009, с. 71].

Большую роль в усилении позиций Китая в кругу развивающихся стран и в международном сообществе в целом сыграло позитивное развитие в 1953–1954 гг. китайско-индийских отношений. Стороны не только достигли соглашения о торговле и транспортных связях Тибетского района КНР с Индией (29 апреля 1954 г.), но и впервые включили в официальный международный документ положение о пяти принципах мирного сосуществования как о руководящих нормах отношений двух стран. По китайской версии, принципы мирного сосуществования впервые были сформулированы премьером Чжоу Эньлаем 31 декабря 1953 г. – в первый день переговоров с индийской делегацией по вопросу связей Индии с Тибетом. Речь шла о необходимости развивать двусторонние дружественные отношения на базе взаимного уважения, территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного со-

существования. А в совместном заявлении глав правительств Индии и Китая Дж. Неру и Чжоу Эньлай эти пять принципов фигурируют уже как всеобщая норма международных отношений. День обнародования совместного заявления двух премьеров – 28 июня (1954) – стал официальным днем празднования мирного сосуществования [Чжунго дандай … , 2009, с. 74–75].

Венцом деятельности КНР в кругу развивающихся стран в 1950-е годы стало участие ее делегации в работе Бандунгской конференции. Предложение о проведении встречи 23 государств Азии и Африки совместно выдвинули в декабре 1954 г. премьеры пяти стран – Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии и Пакистана. Речь, таким образом, шла об организации первой международной конференции без участия ведущих западных государств, что свидетельствовало о появлении на мировой арене новой рождающейся силы. Принципиальным моментом стало приглашение на конференцию КНР, а не засевших на Тайване чанкайшистов. Особенно настойчиво на этом настаивал премьер Бирмы У Ну, грозивший отказаться от участия в форуме в случае отсутствия на нем представителей КНР.

Сама конференция открылась в Бандунге, Индонезия, 18 апреля и продолжалась до 24 апреля 1955 г. Подготовка к ней и сама ее работа проходили в непростой обстановке. Как утверждают в КНР, во время остановки в Гонконге 11 апреля в самолет с частью членов делегации при участии тайваньских агентов было заложено взрывное устройство. Взрыв произошел в районе морской акватории неподалеку от Индонезии. Погибли 11 человек из числа членов делегаций КНР и Демократической Республики Вьетнам и журналистов. Чжоу Эньлай не пострадал, поскольку сначала он полетел по приглашению премьера Бирмы на другом самолете в Рангун на торговую конференцию. Уже в ходе конференции часть делегаций выступили против участия в ней социалистических стран. Так, представители Ирака и Турции заявили о наличии в мире трех больших угроз: империализма, колониализма и коммунизма. Сама КНР обвинялась и в других грехах, в том числе в использовании китайских эмигрантов за рубежом для подрывной деятельности в странах проживания, а также в отсутствии свободы религии. Ставился и вопрос о необходимости признания Тайваня в качестве независимого государства. Делегация КНР и

прежде всего ее глава Чжоу Эньлай проявили исключительную выдержку и хладнокровие и постарались, не вступая в прямую полемику, «искать общее при наличии расхождений», сделав упор на общей истории, общих чаяниях и общих проблемах стран Азии и Африки. Конечный успех конференции в Бандунге, одобравшей принципы мирного сосуществования, неразрывно связан с серьезными усилиями китайской делегации. Можно сказать, что Китай тем самым способствовал выходу третьего мира как некоего единого целого на глобальную арену международных отношений [Чжунго дандай … , 2009, с. 76–80].

Позитивная роль Китая в Бандунге открыла двери расширению его контактов с азиатскими и африканскими странами. За встречей в Бандунге Чжоу Эньлай и Насера последовали соглашения о торговле и культурных обменах, а в мае 1955 г. КНР и Египет установили дипломатические отношения. В 1956 г. примеру Египта последовали Сирия и Йемен. После установления в августе 1955 г. дипотношений с Непалом Китай начал оказывать ему экономическую помощь. Особое значение для Пекина имело достижение взаимопонимания с Пакистаном, свидетельствовавшее о четком понимании в КНР роли этой страны в региональном геостратегическом балансе [Garver, 2016, р. 108–109].

Левачество

Казалось бы, КНР уверенно становится на путь поступательного развития отношений с постколониальными странами. Но Пекин стал жертвой собственного «головокружения от успехов», явно проявившихся уже в 1956–1957 гг. и оказавших негативное влияние на его внутреннюю и внешнюю политику. «Коммунизаторское поветрие» в самом Китае вылилось в неоправданно широкие масштабы борьбы с правыми элементами, развязывание «большого скачка» 1958–1960 гг. и создание «народных коммун» в деревне. Во внешней политике левацкий радикализм Мао Цзэдуна проявился в попытках подстегнуть мировой революционный процесс, сделать КНР лидером международного коммунистического движения, социалистического лагеря и сообщества развивающихся стран.

Поскольку в первых двух форматах шансы Пекина на сколько-нибудь значительный успех изначально были невелики, то основные усилия он в 1960-е годы направил на завоевание серьезного плацдарма в государствах, недавно освободившихся от колониальной зависимости. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о двух различных подходах к усилению влияния в развивающемся мире, имевшихся в китайском руководстве. Первое, основное, связанное прежде всего с самим Мао Цзэдуном, стремилось к максимальному вовлечению молодых государств в острую антиимпериалистическую борьбу, включая вооруженную. На практике в первую очередь речь шла о борьбе с правившими в самих этих странах элитами как с якобы недостаточно революционными или прозападными. Уже в первом открыто обнародованном «манифесте» идеологии маоизма – сборнике статей «Да здравствует ленинизм!», приуроченном к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина, утверждалось, что «для распространения революционных идей никогда не существует государственных границ» и что «ныне новый источник мировых бурь открылся не только в Азии, но и в Африке и Латинской Америке» [Да здравствует ленинизм!, 1960, с. 37, 91]. Апогея линия на подстегивание революционного процесса в мире достигла в статье маршала Линь Бяо к 20-летию завершения Второй мировой войны «Да здравствует победа народной войны!», призвавшей «мировую деревню» выступить против «мирового города» и «путем народной войны довести мирную революцию до победы» [Сафонова, 2018, с. 37–38].

При этом часть китайских функционеров ратовала за смягчение международной напряженности и возвращение к «духу Бандунга». В феврале 1962 г. глава Международного отдела ЦК КПК Ван Цзясян и его заместители У Сюцюань и Лю Нинъи направили письмо с соответствующими предложениями Чжоу Эньлаю, Дэн Сяопину и министру иностранных дел Чэн И. Авторы письма призвали не переоценивать опасность мировой войны (Мао Цзэдун тогда считал ее неизбежной) и не недооценивать возможность мирного сосуществования с миром империализма. Они предложили также снизить помочь постколониальным странам и соотносить ее размеры с крайне ограниченными на тот момент возможностями самого Китая [Garver, 2016, р. 165–166]. Это письмо вызвало неудовольствие Мао Цзэдуна. Однако сама идея менее

«революционного» и более прагматичного подхода к отношениям КНР с молодыми национальными государствами была взята на вооружение и реализована в ходе визита Чжоу Эньляя в 14 государств Азии и Африки в период с 14 декабря 1963 г. по 4 февраля 1964 г. Непосредственно в ходе этого визита и вскоре после него Китай установил дипотношения с Кенией, Бурунди, Тунисом, Конго (Браззавиль), Танзанией, Центрально-Африканской Республикой, Замбией, Бенином, Мавританией [Гэн Сяндун, 2011, с. 83, 187]. Перед визитом Чжоу Эньляя КНР признавали лишь семь африканских стран, а Республику Китай на Тайване – пятнадцать. После визита КНР признавали четырнадцать государств, Тайбэй – шестнадцать и четыре государства оставались нейтральными [Nigel, 1979, р. 168].

Однако левацкая линия на какое-то время восторжествовала. Позиции Пекина в кругу развивающихся стран были подорваны сначала обвинениями в его причастности к попытке прокоммунистического переворота в Индонезии в сентябре 1965 г., а затем серьезными эксцессами острой фазы «культурной революции» периода 1966–1969 гг.

Соперничество Москвы и Пекина в третьем мире

С самого начала 1970-х годов Пекин взял курс на нормализацию отношений с мировым сообществом. В 1971 г. было восстановлено законное место КНР в ООН. Были установлены дипотношения с ведущими капиталистическими странами, включая США (с 1 января 1979 г.). Выдвинув в 1974 г. концепцию «трех миров», китайское руководство стало с этого момента однозначно позиционировать КНР как государство третьего мира и как самую большую развивающуюся страну. Был провозглашен курс «на последовательную борьбу с империализмом и гегемонизмом и поддержку стран третьего мира». В Китае проходили обучение многие бойцы освободительных движений из африканских стран, им оказывалась и помощь оружием [Гэн Сяндун, 2011, с. 106]. В экономике определенный пропагандистский эффект имело строительство с помощью КНР железной дороги Танзам (Танзания – Замбия). В третьем мире позитивно было встречено и содействие Китая в сооружении небольших гидротехнических объектов (малые

ГЭС, колодцы), а также регулярное направление во многие страны китайских медицинских групп.

В то же время негативные отклики вызвали отказ Пекина осудить свержение в Чили в 1973 г. законного правительства С. Альенде и поддержка режима Пол Пота в Камбодже в 1975–1979 гг.

1970-е годы отмечены резким усилением соперничества Китая с СССР за влияние в третьем мире. В Анголе стороны даже поддерживали различные, борющиеся друг с другом вооруженные группировки – соответственно, СССР – МПЛА, а Китай – объединенную группировку ФНЛА-УНИТА. Объем китайской финансовой помощи Африке к 1975 г. превысил размеры советской помощи [Nigel, 1979, р. 169, 154]. В Москве в тот период всерьез полагали возможным направить многие развивающиеся страны на некапиталистический путь развития и придавали важное значение борьбе с США и Западом в целом за влияние в третьем мире [Mирский, 2002, с. 216–238]. Поэтому политика Пекина в отношении развивающихся стран воспринималась как раскольническая, направленная фактически не против империализма, а против Советского Союза. Она вызвала заметную озабоченность Кремля. Для более скрупулезного отслеживания этой политики и противодействия ей, в советских посольствах в ряде развивающихся стран были учреждены должности китаеведов, в том числе в Алжире, Египте, Конго (Киншаса) и Конго (Браззавиль), Индии, Вьетнаме, Мали, Перу, Бирме.

После сближения с США на антисоветской основе в период 1979–1982 гг. Китай на 12-м съезде КПК провозгласил курс «независимости и самостоятельности» во внешней политике. Было вновь подтверждено, что КНР относится к третьему миру, что она считает своим интернациональным долгом вместе с другими государствами данной группы решительно бороться «против империализма, гегемонизма и колониализма». Новым моментом, отмеченным на съезде, стал призыв к усилению взаимной помощи развивающихся стран и к развитию сотрудничества «Юг – Юг», имеющего огромное стратегическое значение [XII Всекитайский съезд …, 1982, с. 67–68].

Не заставило себя ждать и практическое расширение и укрепление связей КНР с государствами третьего мира. В декабре 1982 – январе 1983 г. премьер Госсовета Чжао Цзыян посетил одиннадцать

африканских стран, что стало своеобразной репликой турне Чжоу Эньляя двадцатилетней давности. Были установлены дипломатические отношения с Зимбабве, Анголой, Кот-д'Ивуаром и Намибией. Чжао Цзыян выдвинул четыре принципа развития технико-экономического сотрудничества КНР с африканскими странами: равенство и взаимная выгода, ориентированность на практический эффект, многообразие форм, совместное развитие. Китай начал активно развивать подрядное строительство в Африке с массовым использованием своей рабочей силы. Началось и создание на континенте предприятий с участием китайского капитала.

Первым визитом китайского премьера в Латинскую Америку стал визит Чжао Цзыяна в Мексику в 1980 г. А в 1985 г. он посетил Колумбию, Бразилию, Аргентину и Венесуэлу. Были сформулированы принципы развития отношений КНР с государствами региона: мир и дружба, взаимная поддержка, равенство и взаимная выгода, совместное развитие [Чжунго дандай … , 2009, с. 344–345].

Сложнее складывались в этот период отношения Пекина со странами Юго-Восточной Азии. Пекин пошел на уступки, взяв курс на отказ от двойного гражданства хуацяо – проживающих в данном регионе эмигрантов китайского происхождения. Им было рекомендовано принимать гражданство страны проживания. В ходе визита в Таиланд в ноябре 1988 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн объявил о четырех принципах восстановления и развития отношений Китая со странами АСЕАН. В их числе фигурировали приверженность принципам мирного сосуществования, взаимного уважения, тесного сотрудничества и взаимной поддержки [Гэн Сяндун, 2011, с. 130].

Однако отношения КНР с государствами ЮВА осложняли неурегулированность китайско-вьетнамских связей и претензии Пекина на суверенитет над всеми островами Южно-Китайского моря. После вооруженной китайской акции по «наказанию» СРВ в феврале – марте 1979 г. Вьетнам весьма негативно воспринимал Китай, а кроме того, открыто претендовал на суверенитет над архипелагами Парасельским и Спратли (Сиша и Наньша), что приводило к боестолкновениям военных судов двух стран. Ситуация несколько улучшилась после смерти вьетнамского лидера Ле Зуана, и стороны смогли в 1991 г. нормализовать двусторонние отно-

шения. Однако проблема островов Южно-Китайского моря оставалась открытой: по состоянию на конец 1980-х годов Филиппины занимали 8 островов и банок (отмелей), Малайзия – 14 [Чжунго дандай … , 2009, с. 340–341].

Несомненно, отношение развивающихся стран к Китаю в середине 1980-х годов заметно улучшилось после того, как Дэн Сяопин заявил о возможности избежать мировой войны и о мире и развитии как главной отличительной характеристики современной эпохи [Гэн Сяндун, 2011, с. 121].

Период 1990-х годов

Тем не менее рубеж 1980–1990-х годов выдался сложным для КНР. Беспорядки в самом Китае, завершившиеся силовым подавлением протеста на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г., и последовавшее эмбарго западных стран на поставку оружия в КНР, распад СССР и крах социализма в Восточной Европе поставили страну перед непростым выбором. Благодаря решительным действиям Дэн Сяопина Китай встал на путь ускорения реформ и модернизации и выстоял в условиях внешнего давления. Внешнюю политику страны практически на два десятилетия определила формула Дэн Сяопина (собранная из его высказываний периода 1989–1991 гг.) «хладнокровно наблюдать, укреплять распашанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» [Портяков, 2015, с. 10]. В эти годы в ряде развивающихся стран возникла идея: обратиться в КНР с просьбой официально возглавить третий мир. Дэн Сяопин решительно отверг эту идею: «Мы ни в коем случае не должны этого делать. Это основа нашей государственной политики. Лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы … Китай … никогда не будет лезть вперед, на первое место». Так прежняя формулировка была дополнена иероглифами «цзюе бу дантоу» – «не лезть вперед, на первое место» [Дэн Сяопин, 1993, с. 363].

Декларируя приверженность прежнему положению, что именно «третий мир является главной силой, толкающей вперед колесо мировой истории», КНР тем не менее начинает гораздо активнее, чем раньше, выстраивать свои отношения с развивающи-

мисия странами не напрямую, а через многочисленные международные организации, членом которых она стала. Представители КНР принимают участие в миссиях ООН в качестве наблюдателей (например, в Камбодже) и начинают привлекаться к миротворческим операциям. Китай сыграл заметную роль в проведении в 1992 г. в Бразилии специальной конференции ООН по устойчивому развитию.

В контексте приверженности Пекина антиколониальной повестке событием исторического звучания стало возвращение в состав КНР в статусе специальных административных районов в 1997 г. Гонконга (Сянгана), которым с середины XIX в. владела Великобритания, и Макао (Аомэня), контролировавшегося Португалией с 1499 г.

С распадом СССР в сферу политики КНР в отношении развивающихся стран вовлекаются и постсоветские государства Центральной Азии и Закавказья.

Инструментарий внешней политики Китая пополняется установлением отношений партнерства со многими странами мира, в том числе развивающимися. Этот процесс активно продолжался и в дальнейшем. Имеется большое разнообразие формулировок партнерских отношений КНР с теми или иными государствами, в какой-то мере отражающих их уровни и подчас даже ориентацию на будущее. Так, отношения с Пакистаном охарактеризованы как «всепогодное стратегическое партнерство». Оно, равно как и определения «всеобъемлющее» и «многовекторное» партнерство, свидетельствует о стремлении сторон к развитию широкого взаимодействия в политической, экономической и военной областях. Наибольшее число развивающихся стран установили с КНР отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства» и «стратегического партнерства» [Бедарева, 2019]. В целом можно констатировать, что институт партнерства способствовал улучшению международного имиджа КНР и частичной нейтрализации в развивающихся странах «теории китайской угрозы» [Портяков, 2013, с. 43]. Этому также способствовал и окончательный поворот Компартии Китая от прежней приоритетности связей с зарубежными коммунистическими и левыми партиями к развитию отношений с правящими партиями всего мира.

Годы двухтысячные...

2000-е годы отмечены дальнейшим развитием и углублением отношений КНР с развивающимися странами. Принципиально важную роль здесь сыграли вступление КНР во Всемирную торговую организацию 12 декабря 2001 г. и провозглашение Цзян Цзэминем стратегии выхода национального бизнеса вовне, стимулировавшие рост экспорта и инвестиций не только государственных предприятий КНР, но и частного китайского бизнеса. Помимо Гонконга, первоочередными объектами вывоза за рубеж китайских инвестиций стали богатые ресурсами развивающиеся страны, особенно нефтедобывающие. Дополнительную роль сыграли весьма динамичный рост экономики КНР вплоть до мирового финансового кризиса 2008 г., резко возросшие объемы закупки нефти, курс на «большое развитие западных территорий страны» («Сибу да кайфа»), принятая китайским руководством на вооружение стратегия «мирного возвышения», позднее замененная на «мирное развитие Китая». Расходы Китая на внешнюю помощь в период 2004–2009 гг. ежегодно росли на 29%. Это принесло КНР и политические дивиденды: если в первом форуме Китай – Африка в 2000 г. участвовали 44 африканские страны, а восемь признавали Тайвань, то в ноябре 2021 г., восьмом форуме, участвовали 53 страны, а Тайвань признала только одна [Jindong Yuan, Fei Su, Xuwang Ouyang, 2022, p. 7–9].

Высокодинамичное по любым меркам продвижение КНР в мировой табели о рангах (в 2010 г. по объему ВВП она обошла Японию и вышла на второе место в мире) поставило на повестку дня вопрос о возможности следования ряда развивающихся государств по пути китайской модели развития. Предложение о таком сценарии выдвинул американский ученый-экономист Джошуа Рамо, назвавший его «пекинским консенсусом». В развернувшейся активной и достаточно долговременной дискуссии по этому вопросу данный консенсус противопоставлялся, прежде всего, «Вашингтонскому консенсусу» с его ставкой на приватизацию. В то же время интерпретировался он и как оппонент «Московского консенсуса» – свода «закономерностей социалистического строительства», одобренного совещанием коммунистических и рабочих партий социалистических стран в Москве в 1957 г. Китай до поры до

времени четко своего официального отношения к «Пекинскому консенсусу» не выражал, но сама идея – предложить другим странам свой опыт как образец для подражания – запомнилась и была введена в практический оборот позднее.

В любом случае, по степени влияния на «третий мир» Китай в первые десятилетия XXI в. далеко оставил позади Россию и приблизился к западным странам. Показателен рост числа визитов в КНР лидеров африканских государств: девять в период 1990–1999 гг., 47 в 2000–2009 гг. и 172 в 2010–2019 гг. При этом визиты в США в 2010–2019 гг. были совершены 83 раза [Jindong Yuan, Fei Su, Xuwang Ouyang, 2022, р. 9].

Эпоха Си Цзиньпина

При Си Цзиньпине, возглавившем в конце 2012 – начале 2013 г. КПК и КНР, политика в отношении развивающихся стран оказалась плотно вписана в общий контекст его глобальных инициатив – формирования единой общности человечества и строительства современных сухопутного и морского «шелковых путей». Реальными приоритетами внешней политики Пекина остались отношения с США (с 2017 г. неуклонно ухудшающиеся) и с Россией. Однако, на наш взгляд, значение стран «третьего мира» для Китая реально выросло, поскольку именно им в первую очередь и были адресованы обе вышеизложенные доктрины, включенные в общую программу обновленного Устава КПК, принятого 19-м съездом КПК в 2017 г. [Чжунго гунчаньдан …, 2017, с. 75].

Важной инновацией, адресованной именно государствам «третьего мира», стало включение в Отчетный доклад Си Цзиньпина 19-му съезду КПК положения о том, что успешное строительство социализма с китайской спецификой «проторило путь модернизации развивающихся стран, дало возможность нового выбора странам и нациям мира, стремящимся ускорить развитие и сохранить независимость» [Чжунго гунчаньдан …, 2017, с. 9].

В связи с декларированным Китаем окончательным преодолением бедности в стране стала особенно активно пропагандироваться двадцатилетняя практика КНР в данной области. На Восьмой министерской конференции Форума китайско-африканского сотрудничества в ноябре 2021 г. КНР объявила о девяти програм-

мах укрепления двустороннего сотрудничества, в том числе в развитии сельского хозяйства и сельской промышленности, цифровых инновациях и сокращении бедности [How China's Experience ... , 2022].

Объектами политики КНР в третьем мире стали страны абсолютно всех географических регионов, вплоть до островных государств Карибского бассейна и Тихого океана. Регулярно проводятся форумы экономического сотрудничества Китай – Африка, Китай – арабские страны. Проекты «Инициативы Пояса и Пути» перешагнули границы Азии и Африки и достигли Латинской Америки. Высокоэффективной и взаимовыгодной стали Зона свободной торговли Китай – АСЕАН, благодаря которой блок АСЕАН вышел на первое место во внешней торговле КНР, опередив Европейский Союз и США (табл. 1).

Таблица 1
**Торговля КНР с некоторыми странами
и группами стран (млрд долл.)**

Регионы	2003	2012	2020	2021	2021/2003, раз
Внешняя торговля всего	851	3866	4646	6051	7,1
США	126	484	586	755	6
ЕС	125	546	649	828	6,6
АСЕАН	78	400	684	878	11,2
Африка	18	198	187	254	14,1
Латинская Америка	27	261	316	451	16,7

Источники: Данные таможенной статистики КНР, данные округлены. За 2003 г.: Хайгуаньтунцзи. – 2003. – № 12. – С. 3–6; за 2012 г.: Хайгуаньтунцзи. – 2012. – № 12. – С. 5–8; за 2020 г.: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/3515719/index.html>; за 2021 г.: <https://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/4127455/index.html> (дата обращения: 08.09.2022).

Данные таблицы свидетельствуют, что торговля КНР с развивающимися странами в XXI в. росла быстрее, чем торговля в целом и торговля с развитыми странами.

Растущее влияние Китая на развивающийся мир вызывает все большую обеспокоенность на Западе. Наиболее часто встречается обвинение КНР в том, что она затачивает развивающиеся страны в долговую ловушку, которую использует для политического давления на государства-реципиенты и для получения разного рода экономических уступок. В качестве типичного образца приводится пример Шри-Ланки, оказавшейся из-за долга Пекину вынужденной сдать ему в долгосрочную аренду порт Хамбантота.

На Западе, нередко воспринимающем КНР как соперника за влияние в Африке, разнообразная помощь Пекина сплошь и рядом квалифицируется как «неоколониализм». Это вряд ли справедливо, особенно с учетом регулярного списания Китаем задолженности африканских стран. Конечно, у Пекина есть свой интерес. В частности, помочь в строительстве объектов инфраструктуры позволяет Китаю направлять в Африку достаточно крупные контингенты технических специалистов и рабочих-строителей. Однако и здесь Пекин учел критику в его адрес ряда развивающихся стран и в последнее время начал активнее готовить и использовать местную рабочую силу. Так, на строительстве железной дороги Момбаса-Найроби были заняты две тысячи китайцев и около 20 тысяч человек местного персонала. В целом, полагает известный специалист по китайско-африканским отношениям Т.Л. Дейч, африканскую политику Пекина можно рассматривать как взаимовыгодную и полезную странам Африки [Дейч, 2018, с. 137–138].

Как бы то ни было, в «доковидный период» инвестиции Китая в развивающиеся страны стабильно росли. Правда, необходимо подчеркнуть, что доступная нам официальная статистика инвестиций КНР в третьем мире (табл. 2) не вполне отражает реальную картину: львиную долю инвестиций в Азию составляют капиталовложения в Гонконг; в инвестициях в Латинскую Америку порядка 90% составляет вывоз китайского капитала в офшоры на Каймановы и Виргинские острова. В Океании до последнего времени доминировали капиталовложения КНР в Австралию. И лишь в данных по Африке подобные искажающие воздействия отсутствуют.

Таблица 2

**Инвестиции КНР в развивающиеся страны
(2011–2019 гг., млрд долл.)**

Год	Регионы			
	Азия	Африка	Океания	Латинская Америка
2011	45,49	3,17	3,32	11,94
2012	64,78	2,52	2,42	6,17
2013	75,60	3,37	3,66	14,36
2014	84,99	3,20	4,34	10,55
2015	108,37	2,98	3,87	12,61
2016	130,27	2,40	5,21	27,23
2017	110,04	4,11	5,11	14,08
2018	105,51	5,39	2,22	14,61
2019	110,84	2,71	2,08	6,39

Источник: Чжунго дуйтай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2020 [Доклад о развитии капиталовложений Китая за рубежом 2020]. – Бэйцзин : Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъубу [Пекин : Министерство торговли Китайской Народной Республики], 2020. – Р. 63, 71, 89, 94. – Кит. яз.

В последнее десятилетие в Китае стали отдельно выделять инвестиции в страны вдоль «Пояса и Пути». За период 2013–2019 гг. их суммарный объем составил около 180 млрд долл. – 8,2% общих инвестиций КНР за рубежом в этот период [Чжунго дуйтай тоуцзы … , 2020, с. 99]. Несмотря на связанные с эпидемией COVID-19 ограничения, рост капиталовложений в страны вдоль «Пояса и Пути» продолжился. В 2020 г. они выросли на 18,3% – до 17,8 млрд долл. [Чжунхуа жэньминь гунхэго … , 2020], а в 2021 г. еще на 14,4% – до 20,3 млрд долл. [Чжунхуа жэньминь гунхэго … , 2021]. На наш взгляд, пока реальная доля инвестиций в страны «Пояса и Пути» в общем объеме капиталовложений Китая невелика – 16,1% в 2020 г. и 17,8% в 2021 г. – и уж во всяком случае явно не соответствует тому «шуму», который этот проект породил в мире. Однако кое-где его опасаются. Европейский союз, и прежде всего Германия, заявил о готовности реализовать проект «Гло-

бальные врата» (Global Gate) с инвестициями в инфраструктуру в 300 млрд евро. О планах строительства инфраструктурных объектов в развивающихся странах заявила и Япония.

Так что спокойной жизни в развивающихся странах, как, впрочем, и в мире в целом, Китаю ожидать не приходится. Не исключено и наращивание попыток Запада потеснить его с ныне занимаемых позиций.

* * *

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что отношения КНР с развивающимися странами за семь с лишним десятилетий прошли извилистый путь.

В 1950-е годы они взяли хороший старт. Дух «Бандунга» на долгие годы стал символом удачного взаимодействия Пекина с государствами, освободившимися от колониальной зависимости, надежным ориентиром практической политики. Успеху КНР в этот период в немалой степени способствовало достижение взаимоприемлемого компромисса в отношениях с Индией.

Однако «головокружение от успехов» у китайского лидера Мао Цзэдуна сказалось не только на внутренней, но и на внешней политике страны. Негативизм по отношению к Югославии, объявленной «ревизионистской», ухудшение отношений с Индией остали Пекин вне Движения неприсоединения, ставшего в начале 1960-х годов влиятельной международной силой, и сузили диапазон возможного инструментария его политики в кругу развивающихся стран.

Радикализм внешнеполитического курса КНР периода активной фазы «культурной революции» ухудшил имидж страны в развивающемся мире. Поэтому фактически с самого начала 1970-х годов Пекин свернул попытки «революционной борьбы с империализмом» и перешел к более эффективному курсу – оказанию посильной экономической помощи странам третьего мира и перетягиванию их на свою сторону в соперничестве с Тайванем.

По мере наращивания масштабов экономики Китая и расширения его связей с международным сообществом в целом поступательно растет объем торговли с развивающимися государствами, а затем и китайских инвестиций в этот регион.

Выдвинутые лидером КПК и КНР Си Цзиньпином концепция «человечества как сообщества единой судьбы» и «Инициатива Пояса и Пути» служат хорошей основой укрепления политических и экономических отношений Китая со странами третьего мира. Определенный отклик находит и пропагандируемая Пекином идея полезности китайского опыта модернизации для экономического развития государств данной группы. В связи с явным недовольством западного мира успехами Китая в сообществе развивающихся стран следует ожидать дальнейшего нарастания конкуренции КНР и Запада за влияние в третьем мире.

Список литературы

- Андреев М. КНР и развивающиеся страны. – Москва : Международные отношения, 1980. – 192 с.
- Бедарева Н.И. Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 2. – С. 114–125.
- XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1982. – 165 с.
- Да здравствует ленинизм! – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1960. – 113 с.
- Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 119–141.
- Дейч Т.Л. Маоизм – угроза Африке. – Москва : Международные отношения, 1972. – 168 с.
- Мирский Г.И. Борьба двух систем за Третий мир и ее итоги //Восток-Запад-Россия : к 70-летию академика Нодари Александровича Симония : сб. ст. – Москва : Прогресс-традиция, 2002. – С. 216–238.
- Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. – Москва: ИДВ РАН, 2015. – 280 с.
- Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. – Москва : ИДВ РАН, 2013. – 238 с.
- Сафонова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений на примере Африки и Латинской Америки. – Москва : ИД «ФОРУМ», 2018. – 334 с.
- Shambaugh D. (Ed.) China & the World. – New York : Oxford University Press, 2020. – 416 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911821002199>.
- Garver J. China's Quest: History of the Foreign Relations of the People's Republic of China. – New York : Oxford University Press, 2016. – 888 p.
- Harris Nigel. Mandate of Heaven. – London : Haymarket Books, 1979. – 360 p.

How China's experience boosts Africa's sustainable development // Xinhua. – 2022. – 28 March. – URL: <http://en.people.cn/n3/2022/0328/c90000-10076479/html> (дата обращения: 29.03.2022).

Jindong Yuan, Fei Su, Xuwang Ouyang. China's Evolving Approach to Foreign Aid. – Stockholm : SIPRI, 2022. – 44 p. – DOI: <https://doi.org/10.55163/WTNJ4163>.

Ван Цзожун Синь Чжунго 70 нянь дули пзычжу хэпин вайцзяо шисянь юй цинъянь = Практика и опыт семидесяти лет независимой, самостоятельной, мирной дипломатии нового Китая // Сянъдайхуа шие ся дэ дандай Чжунго 70 нянь – ди сыцзюй дандай Чжунго ши гоцзи гаоцзи лунътанская лунъвэнцзы = 70 лет современного Китая сквозь призму модернизации : сборник докладов на 4-м международном форуме высокого уровня по истории современного Китая. – Бэйцзин, 2019. – С. 255–264. – Кит. яз.

Гэн Сяндун Туцзе Чжунго вайцзяо = Разъясняя дипломатию Китая с помощью схем. – Бэйцзин : Жэньминь чубаньшэ, 2011. – 196 с. – Кит. яз.

Дэн Сяопин венъсюань. Ди сань цзоань = Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3. – Бэйцзин : Жэньминь чубаньшэ, 1993. – 418 с. – Кит. яз.

Чжунго дандай вайцзяо ши (1949–2009) = История современной дипломатии Китая (1949–2009) / Се Исянь (Чжу бянь) = (гл. ред.). – Бэйцзин : Чжунго цинъянь чубаньшэ, 2009. – 564 с. – Кит. яз.

Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуй венъцзянь хуэйпянь = Сборник документов 19-го съезда Коммунистической партии Китая. – Бэйцзин : Жэньминь чубаньшэ, 2017. – 146 с. – Кит. яз.

Чжунго дуйтай тоуцзы хэцзо фачжань баогао 2020 [Доклад о развитии капиталовложений Китая за рубежом 2020]. – Бэйцзин : Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъбуу [Пекин : Министерство торговли Китайской Народной Республики], 2020. – XI+216 с. – Кит. яз.

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуй фачжань тунцзи гунбао = Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2020 году. – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 07.09.2022).

Чжунхуа жэньминь гунхэго 2021 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуй фачжань тунцзи гунбао = Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2021 году. – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20220227_1827960.html (дата обращения: 07.09.2022).

References

Andreev M. (1980). *China and developing countries*. Moscow: “International Relations”, 192 p. (In Russ.)

XII All-China Congress of the Communist Party of China (Documents) (1982). Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 165 p. (In Russ.)

- Bedareva N.I. (2019). China's Partnership Diplomacy: Levels of Partnership Relations. *Problems of the Far East*, no. 2, pp. 114–125. (In Russ.)
- Deng Xiaoping wenxuan. Di San juan (1993) [Deng Xiaoping. Selected works. Vol. 3]. Beijing: Renmin chubanshe, 418 p. (In Chinese)
- Deutsch T.L. (2018). China in Africa: “neocolonialism” or “win-win” strategy? *Contours of global transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 5, pp. 119–141. (In Russ.)
- Deutsch T.L. (1972). *Maoism is a threat to Africa*. Moscow: “International Relations”, 168 p. (In Russ.)
- Garver J. (2016). *China's Quest: History of the Foreign Relations of the People's Republic of China*. New York: Oxford University Press, 888 p.
- Geng Xiangdong. Tujie Zhongguo waijiao (2011) [Explaining China's Diplomacy with Schemes]. Beijing: Renmin chubanshe, 196 p. (In Chinese)
- Harris Nigel. (1979). *Mandate of Heaven*. London: Haymarket Books, 360 p.
- How China's experience boosts Africa's sustainable development. 28.03.2022. Available at: <http://en.people.cn/n3/2022/0328/c90000-10076479/html> (accessed: 29.03.2022).
- Long live Leninism! (1960). Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 113 p. (In Russ.)
- Mirsky G.I. (2002). The struggle of the two systems for the Third World and its results. In: East-West-Russia. To the 70 th anniversary of Academician Nodari Alexandrovich Simoniya. Collection of articles. Moscow: Progress-Tradition, pp. 216–238. (In Russ.)
- Portyakov V.Y. (2015). *The foreign policy of the People's Republic of China in the XXI century*. Moscow: IFES RAS, 280 p. (In Russ.)
- Portyakov V.Y. (2013). *The emergence of China as a responsible global power*. Moscow: IFES RAS, 238 p. (In Russ.)
- Safranova E.I. (2018). *China and the developing world: Concepts and actual practice of relations on the example of Africa and Latin America*. Moscow: FORUM Publishing House, 334 p. (In Russ.)
- Shambaugh D. (Ed.) (2020). *China & the World*. New York: Oxford University Press, 416 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021911821002199>.
- Wang Qiaorong (2019). Xin Zhongguo 70 Nian Duli Zizhu Heping Waijiao Shixian Yu Jingyan [The practice and experience of seventy years of independent, self-relying, peaceful diplomacy of the new China]. In: Xiandaihua shiye xia de dandai Zhongguo 70 nian – di siju dandai Zhongguo shi guoji gaoji luntan lunwenji [70 years of modern China through the prism of modernization – A collection of reports at the 4th International High-level Forum on the History of Modern China]. Beijing, pp. 255–264. (In Chinese)
- Xie Yixian (Zhu bian) (2009). Zhongguo dandai waijiao shi (1949–2009). [Xie Yixian (Editor-in-Chief) History of Modern Chinese Diplomacy (1949–2009)]. Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe, 564 p. (In Chinese)
- Yuan J., Su F., Ouyang X. (2022). *China's Evolving Approach to Foreign Aid*. Stockholm: SIPRI, 44 p. DOI: <https://doi.org/10.55163/WTNJ4163>.

- Zhongguo gongchandang di shiji ci quanguo daibiao dahui wenjian huipian (2017) [Collection of documents of the 19th Congress of the Communist Party of China]. Beijing: Renmin chubanshe, 146 p. (In Chinese)
- Zhongguo duiwai touzi hezuo fazhan baogao 2020 (2020) [Report on the Development of China's Capital Investments Abroad 2020]. Beijing: Zhonghua renmin gongheguo shangwubu [Beijing, Ministry of Commerce of the People's Republic of China], XI+216 p. (In Chinese)
- Zhonghua renmin gongheguo 2020 Nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao (2020) [Statistical communique on the Economic and Social development of the People's Republic of China in 2020]. (In Chinese) Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (accessed: 07.09.2022).
- Zhonghua renmin gongheguo 2021 Nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao (2021) [Statistical communique on the Economic and Social development of the People's Republic of China in 2021]. (In Chinese) Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202202/t20220227_1827960.html (accessed: 07.09.2022).

ДЕКОНСТРУИРУЯ КОЛОНИАЛЬНОСТЬ: ПОЧЕМУ В СССР НЕ РАЗВИЛСЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Оксана Алексеевна МОРГУНОВА (ПЕТРУНЬКО)

PhD, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: o_morgunova@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2607-5599

Статья поступила в редакцию 11.11.2023

Аннотация. Статья рассматривает вопросы можно ли считать СССР периода зрелого социализма колониальной державой и почему впоследствии на постсоветском пространстве отсутствовал постколониальный дискурс. Автор рассматривает ключевые позиции классиков постколониальной теории в соотношении с реалиями Советского Союза, рассматривая вопросы миграций и сегрегации. СССР представляется автору как модернизирующий унитаристский проект, в котором для создания идеологической общности существующие различия этнические и религиозные игнорировались. Такой принцип нельзя назвать, с точки зрения автора, колониальным, так как политическое доминирование осуществляла не определенная часть федерации, географическая или этническая, а определенная социальная сеть, соединяющая элементы всех этно-культурных образований и моделирующая общность на основе идеологии.

Ключевые слова: постколониальная теория; деконструкция; империя; социализм; этно-культурный; доминирование.

DECONSTRUCTING COLONIALITY: WHY THERE WERE NO POSTCOLONIAL DISCOURSES IN THE USSR

Oksana A. MORGUNOVA (PETRUNKO)

PhD, Associate Professor, Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia,
117198, st. Miklouho-Maklaya, 10/2, Moscow, Russian Federation
E-mail: o_morgunova@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2607-5599

Received 11.11.2023

Abstract. The article is concerned with the question of whether the USSR, during the period of “mature socialism”, can be considered a colonial power and why there was therefore no post-colonial discourse in the post-Soviet space. The author juxtaposes key ideas of postcolonial theory with the realities of the Soviet Union, particularly the issues of migration and segregation. The author claims that the USSR was a modernizing unitarian project, which ignored existing ethnic and religious differences in order to create a community based on a particular ideology. The political domination was exercised not by a particular part of the federation (geographical or ethnic), but by a certain social network cutting through the borders of ethno-cultural communities and forming a nation based on a socialist ideology.

Keywords: postcolonial theory; deconstruction; Empire; Socialism; ethno-cultural; domination.

Введение

Последние несколько лет в научных и оклонакучных дискуссиях говорится о необходимости «деколонизировать» страны, входившие когда-то в СССР, а Советский Союз оценивается как «колониальная империя». Меня же заинтересовал вопрос, почему эти дискурсы возникли не сразу после распада СССР на волне создания независимых национальных государств, что было бы вполне объяснимо, а практически 30 лет спустя. В данной статье я попытаюсь ответить на вопрос почему постколониальный дискурс практически отсутствовал в научном пространстве постсоветской эпохи не только в России, но и в государствах, возникших на основе советских республик, и в мировой академии.

Поскольку достаточно часто об СССР сегодня говорится как о колониальной империи *by default*, то хотелось бы поразмышлять,

как мы сегодня понимаем термин «колониальность», и как эти представления о колониальности вписываются в постколониальную теорию, которая также сегодня подвергается ревизии, но уже с других позиций.

Я хотела бы разобраться насколько постколониальная теория, возникшая как интеллектуальная рефлексия на финальный период существования мировых колониальных империй, применима к такому явлению как Советский Союз, существовавшему исключительно в период распада этих империй. Важно уточнить, что о постколониальности я буду говорить не как о временному периоде после разрушения колоний, а как о некой аналитической оптике, которую использовали создатели теории постколониальности.

Также необходимо сразу отметить, что после 1917 г., государство, созданное на территории Российской империи, существенно и неоднократно меняло свой характер, и говоря о Советском Союзе, я имею в виду период от завершения хрущевской оттепели до 1991 г. – то время, которое принято называть «застоем» или «развитым социализмом». Хотела бы также подчеркнуть, что я не являюсь историком советского периода, а занимаюсь вопросами социальной мобильности в ту самую постколониальную эпоху с точки зрения постколониальной теории на материале Западной Европы. Это, с одной стороны, усложняет мою задачу, а с другой, надеюсь, позволит посмотреть на обозначенный вопрос в более широкой перспективе.

Постколониальная теория и ее классики: подводя итоги

Обратимся к постколониальным исследованиям как области академического знания. Сегодня эта область знания подвергается критике как со стороны левых исследователей [Chibber, 2013], так и со стороны правых [Doval, Souroujon, 2021], а также российских ученых [Дегтерев, 2022]. Одни критикуют такие исследования как удобную нишу для квази-научных изысканий, другие – за отсутствие деколониального импульса или же за неразработанность экономических программ. Однако я хотела бы «защитить» эту научную традицию, подчеркнув ее заслуги в формировании наших представлений о социально-культурных взаимодействиях в совре-

менном мире, и отметить, в то же время, ее некоторую ограниченность, как опирающуюся на определенный культурно-исторический опыт.

Постколониальные исследования возникли во второй половине XX в. как направление в первую очередь культурологических академических исследований, но их появление отразило активные политические процессы в мире. Создание независимых государств на месте колоний, возможно, меньше отразилось в этом дискурсе, чем историко-культурный феномен более тесного взаимодействия и массовых мобильностей между народами колонизованными и населением метрополий. Постколониальная теория как направление общественной мысли и система методов анализа реальности стала одним из результатов глобальных процессов в сфере экономики и политики, но сфокусировала свое внимание на философских и культурных аспектах модерности.

Постколониальный дискурс как форма политico-культурной общественной рефлексии был создан учеными, что сами были продуктом той реальности, которую они описали. Практически все создатели постколониальной теории имели опыт жизни в колониях и в метрополиях, зачастую могли говорить о своем полиэтническом происхождении, но при этом были образованы в европейской системе знаний.

У истоков формирования постколониальной теории стояли Франц Фанон, родившийся на тогда еще французском Мартинике и живший во Франции и США. Его выдающаяся книга «Черная кожа – белые маски» [Fanon, 1952] и сегодня не потеряла своего антиколониального импульса. В 1978 г. Эдвард Сайд опубликовал «Ориентализм» [Said, 1978], показав с помощью каких стратегий формирует и «нормализует» западное общество знание о «другом», о колониальном объекте, придавая ему черты «нецивилизованности» и экзотизируя его, тем самым укрепляя свою символическую и реальную власть. Сайд, палестинец, живший в США, и Стюарт Холл, родившийся на Ямайке, закончивший Оксфорд и создавший школу Британских культурных исследований, словно проводили на своем личном опыте научный эксперимент, формируя методы анализа постколониальной действительности, оценивая ее глазами человека, родившегося в колониях и сформированного западным образованием. Стюарт Холл признавал эти особенности

производства культурной идентичности, вплетая свой жизненный опыт в свои аналитические работы: «Все мы пишем и говорим из определенной точки пространства и времени, исходя из истории и культуры, которые специфичны для нас. То, что мы говорим – всегда в контексте, всегда позиционировано» [Hall, 1989, р. 68]. Хоми Баба назвал это «мазок расизма»¹ – ученым на личном и семейном опыте были понятны социальные различия, маркерами которых служили оттенки цвета кожи.

На основе более ранних работ Хоми Бабе, представителю индийского меньшинства, родившемуся в Бомбее и учившемуся в Британии и преподававшему в США, удалось показать как, казалось бы, «лояльное» копирование колонизатора колонизуемым разрушает культурные формы, казавшиеся незыблемыми. Его работа «Местоположение культуры» [Bhabha, 1994] показала невозможность существования «чистых» культурных форм и наоборот продуктивность культурных взаимодействий.

В то же время что и труд Бабы увидела свет революционная работа «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона [Anderson, 1994], который родился в Китае в семье ирландского таможенного офицера, получил образование в Кембридже и затем работал в Индонезии. Андерсона, в отличие от других классиков теории постколониализма, интересовало не право колонизуемого на признание в рамках культуры метрополии, а более общие вопросы национализма. Он показал, что национализм может быть порожден «печатным прессом», публичным дискурсом, а не является «врожденным» чувством жителя той или иной страны. Относительность национальной принадлежности и отсутствие ее связи с этичностью ирасой стало важным краеугольным камнем постколониального видения мира.

Постколониальная теория требовала новых методов анализа. Вышедшая в 1967 г. работа «О грамматологии» [Derrida, 1967] Жака Дерриды (родившегося в Алжире и переехавшего во Францию), предложила постколониальным исследованиям иную оптику: не создание новых категорий методом обобщения, агрегирование их в определенную иерархию, классификации в духе Карла

¹ Bhabha H. Why Empires Fall // Institute of Art and Ideas. – 2019. – 13.02. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9t82nbsoiqE> (дата обращения: 14.11.2023).

Линнея, а наоборот изучение реальности с помощью разложения сложных понятий на составные части, чтобы увидеть их конструкцию. Таким образом, теория, описывающая эти процессы, и новая «аналитическая оптика» использовали как методы политического анализа, так и знания, заимствованные из наук о языке и культуре. Создатели постколониальной теории были «своими» как в колониях, так и в метрополиях, проживали как бы «двойное время» (*double time*) [Bhabha, 1994, p. 295]: одно, связанное с фиксированной моделью, традицией и стабильными референсами, а другое – время перемен, новых вызовов, время освобождения. Как писал Стюарт Холл, перееzzкая в метрополию из колоний, они пережили «второе рождение как подданные диаспоры, пойманные между колониальным формированием и антиколониальными чувствами» [Hall, 2017, p. 171].

Заметим, что в фокусе постколониальных исследований всегда были вопросы культуры и идентичности, по словам Холла, ставшие центром борьбы, а не «культурной глазурью», которой принято было тогда «поливать» любые вопросы в социальных науках. Вероятнее всего, постколониальная теория, родившись на несколько десятилетий раньше, обречена была бы на существование в академической нише дискуссий о расе, производстве знания и социальной антропологии. Однако ее рождение совпало как с разломом старых империй, так и с еще одним важнейшим явлением, определившим современный европейский образ жизни – с мощным миграционным потоком из бывших колоний в бывшие метрополии. Именно массовая миграция заставила значительное число бывших жителей метрополии лишиться розовых очков в отношении представителей всей белой расы без исключения, а жителям метрополии пусть и непросто и не сразу понять ограниченность видения мира только через призму расы и происхождения бывших субъектов империи. Стюарт Холл писал в своих воспоминаниях, что «те кто прибыл из колоний начинали понимать, что им приписывают одну и ту же идентичность» [Hall, 2017, p. 141] и пришел к выводу, что «надо менять не ответы, а вопросы».

Миграция вынесла в гущу общественного дискурса вопросы власти и культурной иерархии. Обратим внимание, однако, что все классики постколониальной теории, чтобы быть услышанными должны были находиться в системе европоцентричного образо-

вания. Они боролись с представлениями о превосходстве западного «белого» идеала не на территории Глобального Юга, а на территории метрополий в прямом и переносном смысле, завоевывая место постколониальным взглядам в системе производства западного знания.

Постколониальная теория и Советский Союз: гибридизация по-другому

Интересно, что ничего подобного постколониальному дискурсу не возникло на территории, которую принято называть постсоветским пространством, ни в период позднего социализма, ни после распада Советского Союза на множество национализирующихся государств. В период бурных общественных дискуссий последних десятилетий XX в. как в научных, так и в общественных кругах говорили о наследии тоталитаризма, о крахе системы хозяйствования, о неэффективности социалистической модели, однако ни в политическом, ни в публичном, ни в академическом дискурсе новорожденных стран не звучали упреки в колониализме. Более того, одна из первых работ [Moore, 2001], задавшая вопрос, был ли Советский Союз колониальной империей, отметила именно этот факт, что колонией не признавала себя ни одна из созданных на территории бывшего Союза стран. Моор в вопросе о колониальном характере СССР отмечал отсутствие согласия «ученых, специализирующихся на бывших подконтрольных Советам землях думать о своих регионах в полезных если и не идеальных постколониальных категориях, развитых учеными из, скажем Габона или Индонезии» [Moore, 2001, р. 114].

Хотелось бы, воспользовавшись постколониальным методом деконструкции, посмотреть, насколько процессы, происходившие в позднем СССР, могут быть рассмотрены через призму постколониальных исследований, анализируя признаки сегрегации и насилия в культурной сфере и социальном пространстве позднего социализма в СССР, опираясь на такие категории как равноправие / культурные привилегии как категории анализа. Важно еще раз заметить, что речь идет не о Российской империи или Российской Федерации, которые представляют собой отдельные государства, территории, культура и население которых лишь частично

совпадают с территорией СССР. Как мне представляется именно попытки объединить эти страны в единый государственный континуум и создают сегодняшнюю эпистемологическую чехарду. Кроме того, дискуссии о колониальности сегодня зачастую упрощенно политизируются и само понятие – размывается. Как справедливо отмечает Бовдунов, в сегодняшних дискуссиях от повсеместного использования «колониализм» как понятие «теряет свою конкретно-историческую нагрузку, а значит, превращается из научного термина в пропагандистское клише. Таким образом, исчезает возможность корректно осмыслить феномен европейского колониализма как конкретной исторической реальности, определившей судьбы народов как самой Европы, так и других частей света в Новое время» [Бовдунов, 2022, с. 649]. Поэтому хотелось бы уточнить, что под колониальностью я, в соответствии с постколониальной теорией, понимаю систему сегрегации и неравноправия в отношении различных этносов и их культур, созданную одним государством в отношении другого государства или народа.

Для начала я хотела бы немного провокационно заметить, что в Советском Союзе в период «зрелого социализма» в чем-то пытались осуществить то, к чему приглашал ПОСТколониальный дискурс в Европе. Равные права на образование поддерживали специальные квоты для повышения уровня образования удаленных и пролетарских районов. «Лекала» же, по которым были выкроены школьные программы, подчеркивали роль борьбы за свободу, участь угнетенных, важность равенства и отсутствие этнической сегрегации. Идентичность находилась, как стремился показать Стюарт Холл, в постоянной динамике, конструировалась дискурсом советского. При этом мы, конечно, видим значительную централизацию производства знания и его идеологизацию. Духовный поиск в позднем СССР был также ограничен светской сферой, то есть любые религиозные нарративы проходили через сито социалистической идеологии. Следует заметить, однако, что и среди классиков постколониальной теории мне не известны религиозные философы. Дискурсы освобождения населения колоний в XX в. в Европе были абсолютно светскими.

Важной постколониальной темой была задача дать голос «субалтерну». Некоторым исследователям сегодня представляется, что в условиях СССР в качестве «подчиненного» могли быть ма-

льные народы и «национальные» республики. Совершенно не намерена утверждать, что голоса таких субалтернов, как и остальные голоса в СССР, были свободны в том, что именно они говорили, но культурная и образовательная инфраструктура СССР была несомненно направлена на создание местной интеллигенции и повышение общего уровня образования. В этот период в СССР издавалась и переводилась литература на различных языках страны. Русский язык выступал в роли «вненационального» языка перевода, что отражала идеологема «язык межнационального общения». Аналогичный опыт сегодня в мире применяется для находящихся под угрозой языков в странах, имеющих для этого достаточно средств. Так, в 1987 г. язык маори, на котором говорит 5% населения Новой Зеландии, был объявлен официальным языком страны, чтобы стимулировать его развитие на фоне повсеместного использования английского языка.

Колониализм, как, наверное, не стоит даже напоминать, был основан на расовой сегрегации или как говорит Пьер Бурдье в своей ранней работе, посвященной Алжиру, «был структурирован расизмом и насилием» [Го, 2019]. Хоми Баба, изучая механизмы гибридизации культуры, описывает нежелание колонизаторов смешивать свою кровь с представителями колонизованных народов, которое описывалось унизительным, если не оскорбительным понятием, обозначающим тех, кто являлся продуктом *miscegenations* – расовых кровосмесений, полукровками. Советский проект, стремясь создать «единую советскую нацию», всячески пропагандировал межнациональные браки. Ради достижения этой цели снимались фильмы, писались книги, о межнациональных браках рассказывали газеты. Лурье, описывая период позднего социализма в СССР, утверждает: «В европейских республиках СССР процент межнациональных браков либо стабилизировался, как в Молдавии, достигнув 42%, либо продолжал расти, как в Прибалтике, достигнув к концу 1970-х, например, в Таллине 32%. В целом по стране согласно переписи 1989 года 17,5% процентов межнациональных браков, причем в некоторых республиках – в Латвии, на Украине, в Казахстане и Молдавии их было намного больше: около четверти от всех заключавшихся браков» [Лурье, 2018].

Обыденное пространство колониализма, как показали Фанон и Баба, было также структурировано сегрегацией. Причем не

только на территории западных метрополий, но в колониях и даже в формально освободившихся странах. Отец норвежского нефтяного чуда Фарук ал Касим, в своем недавнем интервью описывает что когда в 1958 г., получив инженерное образование и вернувшись на родину в Ирак для работы в национальной нефтяной компании, он впервые пришел в клуб, где проводили время инженеры и их жены, то это вызвало неоднозначную реакцию коллег, которые все без исключения были белыми британцами и «это был первый раз, когда в их клуб пришел иракец, который не был слугой»¹.

Одним из проявлений социально-пространственной сегрегации можно считать и существование этнических городских районов, которые и сегодня характерны для многих стран. Однако в эпоху позднего социализма, такие этнические анклавы системно не возникали, а сложившиеся на основе слобод и кварталов в более ранние периоды – целенаправленно размывались.

Еще одна особенность колониального общества – направленность добровольных миграций из метрополии в колонии, и вынужденных – в обратном направлении – из колоний в метрополии. Из метрополии направлялись в колонии не только чиновники и военные, но и также огромное число обычных граждан, которые надеялись, пользуясь привилегиями белого европейца, вести в колонии более обеспеченную жизнь, чем могли позволить себе на родине. В то время как наиболее известный пример вынужденных миграций – рабство – был направлен в обратную сторону. Эти особенности миграционных потоков и здесь не совпадают с траекториями, сложившимися в советский период. Вынужденные миграции молодых специалистов, обязанных отработать в удаленных местах и неблагоприятных природных условиях 3-5 лет после окончания вуза (так называемое «распределение») были направлены чаще всего из центра страны к ее границам. Кроме того, следует отметить, что этничность выпускников при этом никак не учитывалась. Также в результате принятого в 1960 г. плана развития страны был сделан акцент на создание огромных предприятий, так называемые стройки-гиганты, размещавшиеся в удаленных и

¹ The Iraqi who saved Norway from oil // Financial Times. – 2009. – 28.08. – URL: <https://www.ft.com/content/99680a04-92a0-11de-b63b-00144feabdc0> (дата обращения: 14.11.2023).

неосвоенных районах, что вызвало значительные перемещения населения. При этом рекрутинг проходил по всем регионам страны без исключения. Институт прописки, существовавший повсеместно, ограничивал свободу индивидуальных миграций в крупные города, но также стандартно не имел этнических квот.

Еще одним важным критерием колониальности является политическое доминирование метрополии и отсутствие свободного и равного волеизъявления. Волеизъявление было в СССР равным, но, конечно же, не было свободным. Причем несвободным для любого человека, невзирая на цвет кожи, вероисповедание, пол и возраст. То есть граждане страны, надо признать, были равны в своей несвободе.

С моей точки зрения постколониальной теории, СССР позднего периода может быть описан как утопический унитаристский проект, призванный уничтожить этнические и религиозные барьеры на пути к созданию единой «нации», в основе которого лежала определенная идеология. В сущности, это было «выдуманное общество» в духе Бенедикта Андерсена, где с помощью печатного пресса и административных мер, гражданам объяснили, что географически им принадлежит одна шестая часть суши, которая населена людьми, имеющими одинаковые ценности и цели. Этнические и религиозные различия имели «украшательный» характер: как иллюстрацию этого тезиса, представим себе ансамбль народного танца Моисеева, где танцоры исполняют танцы разных народов СССР, при этом одинаково вытягивая носочек. Об этом я далее скажу полнее.

Можно ли говорить, что в стране была какая-либо метрополия, которая пользовалась большими политическими свободами, чем колонизированные окраины? Думаю, что нет. Был ли СССР страной свободного волеизъявления – тоже нет. Если говорить о колонизации политической, то Советский Союз был колонизирован социалистической идеологией и структурирован коммунистической партией. Насилие и сегрегация если осуществлялись, то по линии идеологии, а не расы, этничности или принадлежности к определенной республике. В коммунистическую партию вступали и делали карьеру, укрепляя социальную сеть внелокальными, внепрофессиональными и внеэтническими связями. Социалистическую идеологию поддерживали в различных городах и везде.

Да, в результате советского времени, развитие этнокультур в постсоветских странах в целом пошло по-иному, не так как «могло бы быть», если допустить у истории сослагательное наклонение. Однако это не делает СССР колониальной державой, поскольку политическое доминирование не было осуществлено одним народом в отношении других.

Вместо заключения: о природе чистых форм

В каком-то смысле, колониальный дискурс и призывы к «деколонизации» в отношении советского прошлого существует сегодня в унисон с национализмом народов бывших колоний. И это странным образом объединяет постсоветские страны со странами, бывшими колониями западных стран. Националистические концепции культуры, как показывает Хоми Баба на примере Индии, были заимствованы колонизованными народами у колонизаторов в период разлома империй [Bhabha, 2008]. Как сказал мне недавно один нигерийский студент, надо «запереть двери страны для всех кроме нигерийцев, потому что они искашуют нашу культуру». Попытка вернуться в прошлое, чистое и «неискаженное» «посторонними» культурными влияниями сегодня характерна для многих частей мира. И это входит в полное противоречие с постколониальной теорией, создатели которой приветствовали сложные культурные феномены, возникающие при взаимодействии культур, выступали против «чистых» форм культуры и искусства.

Культура Советского Союза развивалась под сильным влиянием идей западного Просвещения, с его достаточно узким пониманием правильного как целесообразного, и эффективного как прогрессивного. Не будем забывать, что эпоха Просвещения была чрезвычайно успешным проектом западной модернизации, заложила расцвет наук и технологий, основы урбанистики и общественного образования. Однако именно в эпоху Просвещения рождается и европейская колониальная система – проект покорения других стран для обеспечения роста экономики [Tricoire, 2017]. В европейское Просвещение «впаяны» представления о превосходстве европейской расы, идеи национализма и статуса «классической культуры». Как говорит Баба «Великие нарративы историзма XIX в. (...) стали в другом континууме времени и пространства

технологиями колониального и имперского управления... Элитистская классическая культура позиционируется как таковая западным белым человеком для узаконивания своей гегемонии» [Bhabha, 2008]. Именно эпоха Просвещения начинает процесс формирования национализма, опирающегося на этнические различия и иерархизирующего культурные статусы. Европейское Просвещение, одетое в советские одежды, распространялось и укоренилось по всем республикам Советского Союза. И сегодня я вижу в призывае «деколонизации» постсоветских стран этот «рикошет» Просвещения, категоризацию идентичности в этнических терминах, осмысление ее как ригидную конструкцию.

Постколониальные исследования сыграли важную роль в освобождении европейских народов от узости представлений, унаследованных от эпохи Просвещения. На фоне активных миграционных процессов, общественного недовольства ими и выработки государственных решений в области многонациональности во второй половине XX в., постколониальная теория помогла общественному сознанию в странах западной Европы расстаться с некоторыми представлениями, характерными для белой Европы XVIII–XIX вв.

Но эти общественные потрясения не затронули территорию Советского Союза. Советская политика создания «единого советского народа» как уже было сказано выше в значительной мере успешно игнорировала существующие этнические и религиозные различия и не позволяла подвергнуть эти вопросы общественной дискуссии. Оставшись непрограммными и неотрефлексированными, эти особенности привели к расцвету постсоветского национализма во многих молодых государствах на территории СССР, к ксенофобным проявлениям по отношению к мигрантам. И в каком-то смысле это плата за то, что постколониальные исследования не имели основания развиться на советской почве.

Список литературы

Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, №4. – С. 645–658. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658.

- Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, №4. – С. 645–658. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658.
- Го Д. Бурдье, Алжир и постколониальная социология // Социологические исследования – 2019. – № 4. – С. 86–98. – DOI: 10.31857/S013216250004589-0.
- Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – № 1(1). – С. 13–46. – DOI 10.31249/j.2949-1711.2023.01.01.
- Деррида Ж. О грамматологии. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
- Лурье С. Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии // Петербургская социология сегодня. – 2018. – № 10. – С. 122–148. – DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.
- Anderson B. *Imagined Communities*. – London : Verso Books, 2016. – 256 p.
- Bhabha H. *The Location of Culture*. – NY : Routledge, 1994. – 444 p.
- Bhabha H. On Global Memory: Thoughts on the barbaric transmission of culture // *In Crossing cultures: Conflict, migration, and convergence: The proceedings of the 32nd international congress in the history of art*, ed. J. Anderson. – Carlton, Vic., Australia : Miegunyah Press, 2008. – P. 46–56 – URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:4340685> (дата обращения: 14.11.2023).
- Chibber V. *Postcolonial Theory and the Specter of Capital*. – London-New York : Verso, 2013. – 306 p.
- Doval G.P., Souroujon G. *Global Resurgence of the Right: Conceptual and Regional Perspectives*. – London : Routledge, 2021. – 318 p.
- Hall S. Cultural Identity and Cinematic Representation // *The Journal of Cinema and Media*. – 1989. – No. 36 – P. 68–81.
- Hall S. *Familiar Stranger: A Life Between Two Islands*. – London : Penguin Books, 2017. – 171 p.
- Moore D. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Post-colonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. – 2001. – Vol. 116. – P. 111–128.
- Said E.W. *Orientalism*. – New York : Pantheon Books, 1978. – 374 p.
- Tricoire D. *Enlightened Colonialism. Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason*. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 317 p.

References

- Anderson B. (2016). *Imagined Communities*. London: Verso Books, 256 p.
- Bhabha H. (1994). *The Location of Culture*. NY: Routledge, 444 p.
- Bhabha H. (2008). On Global Memory: Thoughts on the barbaric transmission of culture. In *Crossing cultures: Conflict, migration, and convergence: The proceedings of the 32nd international congress in the history of art*, ed. J. Anderson. Carlton, Vic., Australia: Miegunyah Press, pp. 46–56. Available at: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:4340685> (accessed: 14.11.2023).

- Bovdunov A.L. (2022). The challenge of “decolonization” and the need for a comprehensive redefinition of neocolonialism. *Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University. Series: International relations*, vol. 22, no. 4, pp. 645–658. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-645-658.
- Chibber V. (2013). *Postcolonial Theory and the Specter of Capital*. London-New York: Verso, 306 p.
- Derrida J. (2000). *About grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 512 p.
- Degterev D. A. (2023). Towards the end of the “postcolonial moment” of anti-colonial struggle: outlines of a research program. *Postcolonialism and modernity*. No. 1, pp. 13–46. (in Russian) DOI 10.31249/j.2949-1711.2023.01.01.
- Doval G.P., Souroujon G. (2021). *Global Resurgence of the Right: Conceptual and Regional Perspectives*. London: Routledge, 318 p.
- Go D. (2019). Bourdieu, Algeria and postcolonial sociology. *Sociological Research*, no. 4, pp. 86–98. DOI: 10.31857/S013216250004589-0.
- Hall S. (1989). Cultural Identity and Cinematic Representation. *The Journal of Cinema and Media*, no. 36, pp. 68–81.
- Hall S. (2017). *Familiar Stranger: A Life Between Two Islands*. London: Penguin Books, 171 p.
- Lurie S. (2018). Interethnic marriages in the modern Russian national scenario. *St. Petersburg Sociology Today*, no. 10, pp. 122–148. DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077.
- Moore D. (2001). Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. *Publications of the Modern Language Association of America*, vol. 116, pp. 111–128.
- Said E.W. (1978). *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 374 p.
- Tricoire D. (2017). *Enlightened Colonialism. Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason*. London: Palgrave Macmillan, 317 p.

“TO THE SHINING PEAKS THROUGH THE VALLEY OF SHADOWS”: THE PROBLEM OF INDEPENDENCE AND PARTITION OF INDIA

Larisa Alexandrovna CHERESHNEVA

Professor of Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University
398020, Lenin Street 42/2, Lipetsk, Russian Federation
E-mail: larisa-chereshneva@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1491-4968

Received 26.12.2022

Abstract. The article is devoted to the problems of independence, transfer of power and partition of colonial India in August, 1947, its process and personalities, the problem of the possible alternatives to partition of India and its consequences. Based on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, documents published in India, Pakistan, Great Britain, the author came to the conclusions that the partition of India was a result of the objective processes that took place in the country from the middle of the XIX century to the Second World War. British also cultivated and used communalism. The partition also occurred “in the minds” of people, stable fears and the image of the enemy have developed, which are so difficult to overcome even for the new generations of the XXI century. However, it would not be fair not to recognize 75 years later – in 1947 there was no alternative to the partition.

Keywords: India; Great Britain; Indian Empire; British India; Pakistan; Independence; Partition of India 1947; M.K. Gandhi; J. Nehru; M.A. Jinnah; W. Churchill; K. Attlee; L. Mountbatten; Indian Independence Act.

«К СИЯЮЩИМ ВЕРШИНАМ ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ ТЕНИ»: ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ И РАЗДЕЛА ИНДИИ

Лариса Александровна ЧЕРЕШНЕВА

профессор ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, ул. Ленина, д. 42/2, Липецк, Российская Федерация
E-mail: larisa-chereshneva@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1491-4968

Статья поступила в редакцию 26.12.2022

Аннотация. Статья посвящена проблеме независимости, передачи власти и раздела колониальной Индии в августе 1947 г., их процессу и персоналиям, проблеме возможных альтернатив раздела Индии и его последствиям. На основе материалов Архива внешней политики Министерства иностранных дел России, документов, опубликованных в Индии, Пакистане, Великобритании, автор приходит к выводам о том, что раздел Индии стал результатом объективных процессов, происходивших в стране с середины XIX в. и до Второй мировой войны. Британцы также способствовали развитию коммунализма и использовали его. Произошел и «раздел умов», сформировались устойчивые фобии и образ врага, которые сложно преодолеть даже новым поколениям в XXI в. Тем не менее было бы несправедливым не признать спустя 75 лет после событий – в 1947 г. альтернативы раздела Индии не было.

Ключевые слова: Индия; Великобритания; Индийская империя; Британская Индия; Пакистан; независимость; раздел Индии 1947 г.; М.К. Ганди; Дж. Неру; М.А. Джинна; У. Черчилль; К. Эттли; Л. Маунтбэттен; Закон о независимости Индии.

In August of 2022 India is celebrating the 75th anniversary of its independence, the end of two hundred years of British rule. It is impossible to overestimate the importance of this historic event, which opened up prospects for the free development of India, the restoration of the sovereign rights of its peoples to self-determination and independent choice of domestic and foreign policy. Independence and freedom are eternal, self-valuable and self-sufficient concepts, and Indian history has proved it. However, with independence, the unity of India ended – in 1947 it was divided on religious grounds into two dominions – the Indian Union and Pakistan by the Labour government of Clement Attlee (1883–1967) – the Indian Union and Pakistan, serving

as an example of the results of the contact of civilizations of the East and West.

Currently, no one can unequivocally claim that the partition was a mistake on the grounds that the plan to create dominions had failed. In this sense, the partition was if not the best then still a solution that stood the test of time. It would be equally problematic to guarantee that, had India remained united in 1947, this union would have maintained its unity for a long time. The reasons for the partition had been matured for a long time, under conditions of colonial dependence. Its socio-political and ideological base would have been preserved and perhaps even strengthened after the British left. Under the influence of the gradual democratization of society, the processes of formation and self-identification of numerous ethnic groups and confessions were underway. Their unity, once created by force and until now provided by British imperialism, felt by all of them as a common enemy, could end. Finally, the partition contributed to the fact that interethnic integration accelerated in the dominion of the Indian Union, anticipating the formation of a centralized federation with a stable democratic regime. For all that, the partition of British India became the tragedy of a whole generation of Indians, representatives of different religious communities of this multi-confessional country – Hindus, Muslims, Sikhs, and claimed about a million lives. Could it be otherwise? Was it possible in those conditions to gain independence in a different form? Was there any alternative to the partition of India and what are its consequences according to the historian of the XXI century?

By 1947, India was the Indian Empire consisting of British India under viceroys and Princely India, about 600 principalities-vassals of Great Britain, led by Maharajas and Nawabs. The political palette of British India was diverse. Established in 1885, the Indian National Congress (INC) from the end of the XIX century and practically until 1942 had almost a monopoly on the political arena of British India. It consisted of both Hindus and Muslims, Sikhs and representatives of other religious associations, and the principle of equality of communities was proclaimed. At the same time, being a kind of "a cross section of Indian", where Hindus made up the overwhelming majority, the INC could not but be the party of the Hindu majority. Its leaders Jawaharlal Nehru (1889–1964), Mohandas Karamchand Gandhi (1869–1948),

(especially the latter), speaking for Hindu-Muslim unity and inter-communal harmony, appealed to Hinduism. It is significant in this regard that the leader of the League, the future creator of Pakistan Mohammad Ali Jinnah (1876–1948) began his political career as a member of Congress and was a passionate advocate of the idea of inter-faith cooperation, but in 1921 left the INC. Why? The question is far from private. Muslims, even many of those who were in Congress, gradually developed the conviction that the goal of the INC – achieving independence – closes the problem of minorities from him, ensuring guarantees of their rights, while this problem, especially its religious component, threatens to become huge like the Himalayas.

For too long the Congress did not consider the Muslim League formed in 1906 to be a noteworthy element of the political life of India. Even her Lahore revolution of 1940 about the course of creating one or more Muslim "hotbeds", the country of "pure", Pakistan, although it was criticized by the Congress, but nothing more. Jinnah promoted the idea of "two nations—two Indies", argued that Muslims and Hindus had different religions, philosophical systems, different lifestyles and should have separate states. The rejection by INC leaders of the concepts of "two nations" and "Pakistan" only reinforced the influence of Jinnah's slogan "Islam is in danger!". Gandhi argued that the inter-communal contradictions, these "miasma of the division of society into a religious minority and a majority," will disappear by themselves as soon as the British leave India [*Gandhi*, 1949, p. 318]. Nehru was convinced that "the League is unable to understand and, moreover, resolve pressing social and economic issues... Her position is unsupported" [*Nehru*, 1980, p. 216]. However, further developments have refuted this conviction.

The Princes of the large and small principalities of Hindustan successfully prevented the spread of political activity of parties on the territory of their possessions, but they could not stop the liberation processes.

With the outbreak of World War II, the Indian national movement entered a decisive phase. Congress declared its solidarity with democratic countries, but refused to help England in the fight against fascism without any conditions. The INC leaders were confident that India would be able to make a really significant contribution to the

anti-fascist struggle only after achieving its independence and creating a national government. In 1942, after Japan seized almost all British possessions in the Pacific and Southeast Asia, conservative leader Winston Churchill (1874–1965), who headed the War Cabinet, despite his contempt for compromises with the colonies, was forced to send a mission to India by Speaker of the House of Commons Stafford Cripps (1889–1852) with proposals for constitutional restructuring. In the document brought by Cripps – the "Draft Declaration" – India was promised the status of a dominion after the end of the war, while the provinces were promised the right to self-determination, theoretically assuming the possibility of non-membership in the future dominion, but in those concrete historical conditions, with the degree of influence of the Congress in Indian society – practically unreliable [India . . . , 1942].

Congress, which initially rejected Cripps' proposals, nevertheless continued to participate in the Delhi negotiations, focusing on the issue of the country's defense and the formation of a parallel military department headed by an Indian. Nehru admitted in April 1942 that "there were excellent chances to reach an agreement – about 75%" [Brecher, 1959, p. 279] However, the negotiations failed because of the proverbial stubbornness of the British conservatives, Churchill personally, who did not want to risk the organization of defense of India at the time of the highest threat of Japanese invasion. The low contractual capacity of Churchill, or rather the British conservative military-political and financial-industrial elite, was the main reason that both sides missed a real opportunity to agree on the future transfer of power to a united India and settle inter-communal and inter-party differences. The failure of the negotiations sharply aggravated the situation, the prospect of a mutually acceptable agreement between the metropolis and the "pearl in the Crown of the British Empire" was lost for a long time.

In the summer of 1942, at the initiative of Gandhi, the Congress set a course for the immediate achievement of state independence. On August 8, at the Bombay session of the All India Congress Committee, the "Quit India" Resolution was approved, according to which the British administration and troops had to voluntarily and immediately "leave India" [Constitutional Relations . . . , 1971, p. 621–623].

The document read: "The immediate collapse of British rule in India is necessary both for the Indians themselves and for the success of the Allies' cause in the fight against fascism. After the declaration of independence, a Provisional Government will be formed, the main function of which will be the defense of India and resistance to the aggressor with all non-violent and armed means at its disposal" [Ibid.]. The Congress stated that the British authorities refused to discuss his demand to "Quit India", and therefore he "begins a civil disobedience movement under the leadership of Mahatma Gandhi" [Ibid.]. The colonial authorities outlawed the Congress, the headquarters of the party was sealed, the Congress leaders of the central, provincial and even district committees were arrested. They were to stay in prisons until the end of World War II (only the elderly Gandhi, interned in Puna, was released for health reasons in mid-1944).

Despite the blow of the authorities, a large-scale anti-British movement under the slogan "Quit India" unfolded in the country, but it was suppressed by the forces of 57 battalions withdrawn from the front by the end of September, 1942. This movement, referred to by Indian historians as the "August Revolution" of 1942, was undoubtedly the brightest page in the history of the liberation struggle of the Indian people against the British colonialists, brought the British withdrawal from India in 1947 closer [*Chereshneva*, 2007, p. 187–188]. At the same time, it significantly reduced, if not nullified, the possibility of preserving the unity of India in the future. After the arrests of the Congress, its place in the political arena of India was vacant. The League could not even think of such a possibility of eliminating its main opponent, without much effort and for such a long time, which presented itself in 1942. Jinnah, with great benefit for his organization, used the resulting "vacuum". For the time since August 1942 up to the liberation of the congressists in 1945, the Muslim League consolidated its influence, managed to form ministries in Punjab, Sindh and the North-Western Frontier Province, improved its structure and propaganda system, and expanded its ranks by 2 million people. In December 1943, at the session of the League in Karachi, in contrast to the Gandhian slogan "Quit India", another one was put forward – "Divide and Quit India" [*Chereshneva*, 2007, p. 175–179]. The party leadership has formed an "action committee" to prepare Muslims for the final stage of the struggle for Pakistan.

In 1945, after the defeat of the Hitler coalition, with the coming to power in England of the Labour cabinet of Clement Attlee, in the wake of the general rise of the liberation movement in the countries of the East, the ruling circles of the metropolis came to understand that it was no longer possible to keep overseas territories, especially India, as part of the Empire. In May 1946 Attlee announced the intention of the British government to transfer power to India [Constitutional Relations ..., 1979, p. 591]. On the basis of an agreement between all Indian parties and organizations, it was supposed to form an Interim Government and a Constituent Assembly to draft the constitution of independent India. Subsequently, it was planned to dissolve these provisional authorities and, on the basis of universal suffrage, elect a new government of a free united India.

Attlee's plan incorporated the main provisions of the "Draft Declaration" of 1942 and provided for the transformation of India into a Federation of Provinces that had the right to secede from its composition. In 1946, four years after the failure of the Cripps mission, these provisions created a much more realistic possibility of non-entry of the north-western and north-eastern provinces of British India, predominantly populated by Muslims, into the future Federation, with the aim of founding Pakistan, but they were still not identical to the inevitable partition of the country. The League immediately adopted this plan, and the Congress, which had been at large for about a year, after some hesitation, rejected it. The agreement was not reached again. Many believed that all was not lost yet, but the future showed that the time factor played a huge role in solving the problem of creating an alternative to the partition of India. According to the aforementioned Attlee plan, the party that refused to accept it automatically "dropped out" of the process of forming a transitional cabinet. Nevertheless, contrary to this condition, in 1946, after Nehru had been elected President of the Congress, the colonial administration invited him to take over the creation of the Interim Government of India. This government was to function as an Executive Council under Viceroy Wavell (1943–1947) and be responsible to the British Parliament.

In September 1946 Interim Government was established. The coalition in nature, it represented all the political parties of the country. It consisted of 12 ministers who swore allegiance to the Crown. "Activities in the interests of achieving independence cannot be considered

incompatible with this kind of oath," stressed Congressman Rajendra Prasad, who received the portfolio of Minister of Food and Agriculture, "Jawaharlal Nehru could recommend the King to transfer power into the hands of Indians, despite any oaths of allegiance. Therefore, we did not see any contradiction between the two and took the required oath" [Prasad, 1962, p. 583].

And, indeed, despite the transitional nature of this Government and the formal limitations of its powers, the very fact of its creation testified to practical preparations for the transfer of power. From the first months of its existence, the Provisional Government declared itself as a subject of the domestic and foreign policy of British India. At the end of 1946, the Constituent Assembly approved the Nehru Declaration declaring India a sovereign republic. By the end of the winter of 1947 India established diplomatic relations with the United States, China, France, and begun a series of negotiations on opening Indian representative offices in Belgium, Sweden, Poland, Czechoslovakia, and Iran. Similar negotiations were conducted with the Soviet Union, and in April 1947 the Council of Ministers of the USSR decided to open a Soviet Embassy in India, in Delhi, and, accordingly, an Indian Embassy in Moscow [AFP RF. Dpt. 090. 1947b, L. 1; AFP RF. Dpt. 090. 1947a, L. 1–2]. These political steps of the young Interim Government, representing a united India, testified to its growing authority in the international arena, that India was not threatened with diplomatic isolation, and it would be able to solve its internal problems in a favorable international situation.

The creation of the Government was supposed to be a crucial stage on the way to the establishment of the first authorized Cabinet of Ministers of a unified independent India. However, this did not happen. The chance was lost. Why? The main reason was that the Muslim League, even at the formation of this government, expressed extreme dissatisfaction with the actions of the colonial authorities who had violated the terms of the Attlee plan of May 16, 1946, considered that the authorities did not take into account the interests of Muslims, leaned towards the INC and lost the role of a stabilizing principle in politics. Formally, the League joined the Government only in October 1946, in fact, boycotting both it and the Constituent Assembly, and announced the beginning of an uncompromising struggle for the creation of Pakistan.

In 1947, it became obvious that British rule in India was coming to an end, and it could end in an atmosphere of social explosion. The independence of India was, first of all, necessary for the British themselves, and in principle, regardless of whether this ancient eastern country remains integral or will be dismembered. The situation required new approaches to its resolution. February 20, 1947 In the House of Commons of the British Parliament, Attlee made a statement "On the final withdrawal of the British from India no later than July, 1948," stressing that if the central government was not created by this date, power would be transferred to individual provinces [Great Britain ... , 1947, p. 1395–1398].

The appointment of the exact timing of the transfer of power "gave rise" to the time limit problem, which was especially actively discussed by the conservative opposition in Parliament. W. Churchill stated that the Labour government "destroyed the possibility of reaching an agreement of Indian political parties, while the Conservatives had done everything possible for that", that the established temporary redistribution "meant the end of all hopes for the preservation of a single India... And we could not seriously assume that it would be possible to build a bridge over the deep gap between the communities in a few months" [Great Britain ... , 1947, p. 1395–1398] Churchill declared the military weakness of the British in India and, moreover, the lack of moral strength to manage it. He suggested that Attlee resort to the help of the UN and during the debate "drew a line" on the history of Anglo-Indian relations: "With pain in my heart I look at the fall of the British Empire, with its loud fame and services to humanity" [Ibid.]. The Conservative opposition in Parliament could have become an obstacle for Labour by obstructing their plan for an accelerated transfer of power, however, this did not happen. The urgent need for a "hasty flight" [Ibid.] from Hindustan, nevertheless realized by Churchill and his like-minded people to the extent that Attlee understood it, became the dominant factor that eventually suppressed their differences on tactical issues of Indian politics.

In March, 1947, a new Viceroy Mountbatten (1900–1979) was sent to Delhi to negotiate with Indian leaders and work out a plan for the transfer of power. Parting words to Mountbatten before leaving, the Prime Minister pointed out that "he was striving for a clearly defined

goal – the formation of a single government for British India and the Principalities, preferably within the framework of the British Commonwealth (as the British Empire, which was modified in the conditions of collapse of classical colonialism, became known. – *L. Ch.*)" [Constitutional Relations . . . , 1980, p. 972–974]. Mountbatten received permission to make public not only the goals and approximate date of the British withdrawal, but also the exact date of the transfer of power – August 15, 1947. This day marked the 2nd anniversary of the order of the Japanese Emperor on the surrender of Japan in World War II, and although the war continued until early September, until the complete defeat of the Japanese armed forces with the participation of the Red Army of the USSR, Mountbatten honored that day. He wanted to add another event to that day – the declaration of independence of India. So, the last viceroy did not receive a priori instructions for its partition, despite all the half-hearted colonial policy of the Labour Party and their obvious desire to maintain control over India to one degree or another within the framework of the British Commonwealth of Nations.

In India, in March, 1947, the situation continued to escalate. Speaking to Muslim journalists in Bombay, Jinnah said that "there is no basis for cooperation with Hindus... There was a time when Pakistan's plan was ridiculed, but... this is the only decision that does honor to our people... We will have Pakistan!" [Constitutional Relations . . . , 1980, p. 972–974]. Tensions were rising in the largest cities of Punjab – Lahore, Amritsar, Multan, Rawalpindi, "a thousand dead" were reported, Sikh leader Tara Singh said: "The civil war has already begun" [Ibid., p. 912]. In these circumstances, March 8, 1947 the Working Committee of the INC gathered for an emergency session and appealed to all political forces of the country: "At this hour, when final decisions should be made... We call on all parties to renounce violent methods and to cooperate peacefully... Let's put our differences in the past" [Speeches and Documents . . . , 1957, p. 669–670]. WC INC welcomed the decision of England to transfer power to the Indians no later than July, 1948 and definitely made it clear that "the constitution that the Constituent Assembly will work out will apply only to those areas that will accept it" [Ibid.].

The word "partition" was not mentioned in this document, but, nevertheless, for the first time, the Congress formally and actually re-

corded its agreement with what the British called the right to self-determination of individual components of British India. In 1947, unlike 1942 and even 1946, this was no longer a purely hypothetical assumption, but a long-awaited sanction for the Muslim League to begin practical preparations for the partition of the country. Sending the text of this resolution to Mountbatten, Nehru explained that he still intended to persuade the League to join the Congress in the Constituent Assembly, but if this proved impossible, "...then the partition of Bengal and Punjab becomes inevitable" [Constitutional Relations ... , 1980, p. 897–898].

Why did the Congress, which throughout its history had so consistently defended the idea of a united and independent India, finally agree to the separation? And what content did it put into the concept of "partition"? After analyzing the internal political situation in detail, Nehru, as the leader of the INC and the Head of the Interim Government, came to the conclusion that there was no other way out, except, at least temporarily, the partition. The Indian people were in the grip of "psychological stress", and this was especially true of the Muslim part of the society. Under the circumstances, insisting on the preservation of a united India at any cost would only increase this tension. Therefore, the Congress, rejecting in principle the theory of "two nations—two Indies", nevertheless agreed to the partition, hoping that such an outcome could eventually ensure inter-communal peace and the "triumph of reason". "I have no doubt that sooner or later India must become united," Nehru said. – Perhaps the best way to achieve this is to go through the section now... It is often necessary to follow through the valley of shadows to climb the sunlit mountain peaks" [Gopal, 1989, p. 373]. So, Congress considered the partition temporary and went to it as a necessary measure to end the conflicts.

Only Gandhi took a special position on this issue. According to the memoirs of M. Slade, the daughter of an English admiral, who at one time became an adept of Gandhism and a close assistant of the Mahatma under the name of Mira Ben, "he was in despair... oppressed by the thought of the impending dismemberment of the country... Many expected that the Mahatma would launch a mass campaign in his usual manner, but this time directed against the Congress... But he didn't do anything" [Slade, 1960, p. 279–282]. According to Mira, he realized

that the congressists "had no other choice" and he even began to advise people to accept reality as it was, and "get as much as possible from the freedom that is so close" [Ibid.]. However, he himself never accepted the partition of India and, moreover, still tried to prevent it.

In late March – early April 1947, as part of the negotiation process with Indian leaders, Mountbatten held a series of meetings with Gandhi, during which the Mahatma proposed to the viceroy an original plan for the transfer of power. This plan seems to be an alternative solution, demonstrating the greatness of Gandhi's spirit and dedication, and his last gesture of despair as a politician. The Mahatma argued that "Jinnah should be given the opportunity to form a government of a united India. If Jinnah accepts this proposal, Congress guarantees voluntary and sincere cooperation as long as all measures taken by the Jinnah Cabinet are in the interests of all the people of India... The referee will be Lord Mountbatten. Jinnah, on behalf of the League, must guarantee that he or the League will do everything to keep peace in India... If these conditions are met, Jinnah will be free to submit a plan for Pakistan for approval, without waiting for the transfer of power... but without the use of weapons and ... coercion of any province or part of it. If the Jinnah rejects this proposal, then the right to form such a government mutatis mutandis passes to the Congress" [Constitutional Relations ..., 1981, p. 69]. Nehru, upon learning of Gandhi's idea, informed Mountbatten that "the plan is completely unrealistic" [Ibid.].

So, in the crisis circumstances of 1947, when the objective reasons for the partition of India had completely formed and even the Congress considered this prospect inevitable, a subjective factor came into force. It seemed that an almost painless way out of the political crisis that had dragged on since the war had been fought. Gandhi knew Jinnah well enough to realize that such a proposal could find a powerful response in his soul.

After much thought, during negotiations with Jinnah, Mountbatten nevertheless informed him about the possibility of becoming Prime Minister of the Central Government of United India. According to the Viceroy's memoirs, "thirty-five minutes later, Jinnah, who had not reacted to my statement before, suddenly returned to the question of the post of Prime Minister of India. Undoubtedly, the proposal that was made flattered his ambition, and all this half an hour Jinnah was feverishly thinking about it" [Constitutional Relations ..., 1981, p. 164].

How did Mountbatten assess the chances of success of this Gandhi proposal? And did he really intend to give it a go? Observing Jinnah during their official meetings, the Viceroy became convinced that "Mr. Gandhi's notorious plan can still go through solely because of Mr. Jinnah's vanity!" [Ibid.]. However, he believed that the leader of the Muslim League was a man "mentally unbalanced", who had neither a sense of responsibility nor talents in the field of practical politics, and that even Jinnah "had not thought out any details of his grand scheme" [Constitutional Relations ... , 1981, p. 190]. The Viceroy decided not to exaggerate this issue any more, refusing to follow the logic of Gandhi's theoretical constructions, and, perhaps, thereby dispelled the last ephemeral hope for the preservation of a united India.

The congressists, at least Jawaharlal Nehru and Vallabhbhai Patel (1875–1950), regarded the partition as a temporary phenomenon. In principle, the temporary partition is also a counterweight to the complete and final dismemberment, a kind of "second-tier alternative", but still an alternative. But a natural question arises: by what methods and with the help of what (political, economic, other) mechanisms did the Congress intend to restore the unity of India later? It is logical to assume that during the transfer of power in 1947, certain governance structures for the newly formed dominions were to remain common and in the future play the role of the desired mechanisms of reunification. Such structures could probably be a common governor-general for the Indian Union and Pakistan and a unified armed forces. In June–July 1947, when discussing these issues, heated discussions broke out between Indian leaders. Congress favored the establishment of the post of common Governor-General and proposed the candidacy of Mountbatten for this role, but this option was subjected to crushing criticism in the Muslim League. Although Jinnah claimed that he had "done his job" and compared himself "to a field marshal who led the army to victory", and there were rumors that the League leader intended to stay in India after the partition to fight for the rights of Muslims, in reality he, a terminally ill elderly man, could not give up power [Sayeed, 1968, p. 223]. And most importantly, he could not fail to understand that under the common governorship (regardless of who takes this post – an Englishman, a Hindu or a Muslim), a certain unity of the Indian Union and Pakistan was preserved. As a result, they were inclined to the fact

that each dominion will be governed by its own governor-general: in Pakistan – Jinnah, in the Indian Union, at the initiative of the Congress, – Mountbatten.

On June 3, 1947, the Draft Law on granting independence to India, developed as a result of lengthy negotiations between the British side and Indian parties and organizations, was announced. Known in history as the "Mountbatten Plan", it was the basis for the division of the country into two independent dominions – the Indian Union and Pakistan. The document consisted of 14 parts, 21 articles. The introduction emphasized that "the British government announced its intention to transfer power to the Indian people and hoped that all parties would cooperate with it ... and work out a constitution of India acceptable to society. However, these hopes were not fulfilled... The government has always sought to take into account the opinion of the Indians and now has to agree to the partition of the country" [Constitutional Relations ..., 1983, p. 233]. The document stated that "from August 15, two independent dominions will arise in India: the Indian Union and Pakistan [Ibid.; *Chereshneva*, 2012, chapt. 6–11]. The territories for the newly formed States were determined taking into account the religious sign. In particular, "from the appointed day, the provinces of Bengal and Punjab ceased to exist, and new provinces were established in their place, respectively called East and West Bengal, East and West Punjab, in order to become part of both the Hindu and Muslim dominions" [Constitutional Relations ..., 1983, p. 233]. The document stated that a "special commission for defining boundaries" [Ibid.] would be created to more accurately divide the lands between the new states. Of particular importance in the implementation of such a complex procedure was the issue of the armed forces of British India. It was assumed that from August 15, the command and control of the troops would remain with the British until "until the partition is fully completed" [Constitutional Relations ..., 1983, p. 242].

Regarding the Principalities, it was argued that all treaties and agreements between the Crown and their rulers lose their force, and the Principalities had the right to independently choose which of the emerging dominions they would join.

The document contained the wording of historical significance: "From the appointed day, the words "Emperor of India" (both in Latin

and in English) are withdrawn from the Royal Title, and for this purpose a special proclamation will be issued, sealed with the Great Seal of the Kingdom" [Op. cit., p. 238]. Thus, a document defining the prospects for the development of the largest British colony had been prepared, and now he had to go through all the stages of discussion in such cases in the highest echelons of the empire. The House of Commons ratified the document on July 15, the House of Lords – on July 16. It became the Law. On July 18, 1947, the Law received the official approval of King George VI.

On August 15, the historic day of the transfer of power, the India Independence Act came into force. The era of British rule in India has ended.

In mid-August, 1947, the mass unrest broke out in two major cities on both sides of the Indian–Pakistani border – Lahore and Amritsar, spread to Western and Eastern Punjab, and even reached Delhi. The whole of Northern India was engulfed by a wave of Hindu–Muslim pogroms and murders. Back in March, the flight of the Muslim population from the raging Pakistan began due to the ongoing religious and communal clashes, but then neither the Congress, nor the League, nor the Government of India itself made efforts to stop the brewing tragedy, believing, apparently, that with the division of the country, the problem would be solved by itself. The calculations were not justified. The death toll only at the very beginning of the massacre reached 600 thousand people [Edwardes, 1963, p. 223].

The partition of India caused a huge migration of the population. Planes, trains, ships, buses and trucks, hundreds of wagons pulled by oxen were used for evacuation, but all this was not enough. The supply trains moved along with the columns of refugees, but there were not enough supplies for everyone. The Government of India supplied ready-made food, vegetables and sugar to the refugees by air, but it was not possible to avoid hunger strikes. Poverty, hunger, and disease claimed hundreds of thousands of lives. Private carriers set high prices, although the intensity of their work really increased. In this race between life and death, refugees were forced to buy train tickets at "black market" prices and pay police officers to guard their belongings while traveling on the train. Along the way, they were often subjected to violence by looters and robbers. It happened that trains full of dead people

arrived at train stations. During the first months of independence, about 5 million 800 thousand Muslim refugees reached Pakistan, and 5 million 500 thousand non-Muslims moved to the Indian Union [Ibid.]. In fact, a small Western European country has moved from one place to another.

The Government of the Indian Union was caught off guard by the uncontrollable communalism. With piercing clarity, the truth was revealed – the partition, which, as a forced measure, the Congress went to in order to end inter-communal conflicts, only deepened it and brought to the limit. Gandhi provided tremendous support to Nehru Government. While remaining faithful to the ideals of nonviolence, he opposed pogroms and massacres, organized mass prayers, and called on the leaders of the Indian Union and Pakistan to improve relations between the countries. One of the Bombay ministers, Morarji Desai, told him at the meeting: "Even today, more than anyone else, people believe in You" [Desai, 1979, p. 273].

There was no consensus in the Indian government about what was happening. Nehru and a number of other Congressional ministers advocated the principles of secularism, while Rajendra Prasad, in alliance with Hindu Mahasabha's leader Mukherjee, advocated "religious cleansing", believing that Muslims should have no place in the system of government. It is characteristic that, having their own representative in the government, Hindu Mahasabha and the paramilitary organization Rashtriya Swayam Sevak Sangh led by it not only openly condemned Nehru's course, but also almost with impunity cheated those who supported him. Gandhi, branded by the communalists as a "traitor to the sacred cause of the Hindus," was subjected to special attacks by them [Ibid.].

In this situation, it was necessary to take the most decisive measures, and in September the Emergency Committee headed by Mountbatten was urgently formed. The Committee's tasks included restoring order in the country, preventing murders and violence, as well as organizing camps and hospitals for refugees. The Committee relied only on the border troops of Indian soldiers and officers, but the actual British units were not used for this purpose, since the instructions of the British government instructed them to "protect the lives of Europeans" [Hodson, 1985, p. 548–549] and not to complicate relations with the

two new dominions. By the end of 1947 the riots were stopped, but the unhealed wounds remained.

The achievement of India's independence and the tragedy of its partition have become related concepts, for many years predetermined the nature of the relationship between the Indian Union and Pakistan. The search for the right and the guilty, mutual claims and scores, primarily because of the lands of Junagadh, Hyderabad, Kashmir, etc. later led to Indian-Pakistan conflicts and wars and turned the border between these states into a hotbed of international tension. But that's not all. The partition also occurred "in the minds" of people, stable fears and the image of the enemy have developed, which are so difficult to overcome even for the new generations of the XXI century. However, it would not be fair not to recognize 75 years later – in 1947 there was no alternative to the partition.

The partition of British India was a natural result of the economic, political, and ethno-confessional processes that took place in the country from the middle of the XIX century to the Second World War. British cultivated and used communalism during the years of their rule in India. The partition was a forced decision and prevented the complete collapse of statehood, the spread of the inter-communal, in fact, civil war that was already going on in the north. The partition gave Jinnah and Muslims an opportunity to get to know the real Pakistan, with its slide into a series of military dictatorships, as well as contributed to the creation of a federation and the development of democracy in the Indian Union, taught Indians the high price of "unity in diversity".

References

- Archives of Foreign Policy of Russian Federation (AFP). Dpt. 090. (1947a). Branch 1a. Index 1. File 130. (In Russ.)
- AFP RF. Dpt. 090. (1947b). Branch 1a. Index 1. File 072. (In Russ.)
- Brecher M. (1959). Nehru: A Political Biography. London: Oxford University Press, 682 p.
- Chereshneva L.A. (2007). "The August Revolution" of 1942 in India. Moscow: INION RAN, 204 p. (In Russ.)
- Chereshneva L.A. (2012). Rainbow over the Red Fort: the Partition of Colonial India in 1947. Moscow: Oriental Literature, 391 p. (In Russ.)
- Desai M. (1979). The Story of My Life. In 2 v. Oxford: Pergamon Press, vol. 1, 306 p.

- Edwardes M. (1963). *The Last Years of British India*. London: Cassel, 250 p.
- Gandhi M.K. (1949). *Communal Unity*. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1006 p.
- Gopal S. (1989). Jawaharlal Nehru. Biography. In 2 v. Moscow: Progress, vol. 1, 448 p. (In Russ.)
- Great Britain. *Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report*. (1947). London : His Majesty's Stationery Office, vol. 433, 402 p.
- Gwyer M., Appadorai A. (sel.). (1957). *Speeches and Documents on the Indian Constitution 1921–1947*. In 2 v. Bombay: Oxford University Press, vol. 2, 802 p.
- Hodson H.V. (1985). *The Great Divide: Britain–India–Pakistan*. Karachi: Oxford University Press, 590 p.
- India. (Lord Privy Seal's Mission). *Statement and Draft Declaration*. (1942). London: His Majesty Stationery Office, 30 p.
- Mansergh N. (Ed.). (1971). *Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power 1942–7*. In 12 v. London: His Majesty's Stationery Office, vol. 2, 1095 p.
- Mansergh N. (Ed.). (1979). *Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power 1942–7*. In 12 v. London: His Majesty's Stationery Office, vol. 8, 899 p.
- Mansergh N. (Ed.). (1980). *Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power 1942–7*. In 12 v. London: His Majesty's Stationery Office, vol. 9, 1053 p.
- Mansergh N. (Ed.). (1981). *Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power 1942–7*. In 12 v. London: His Majesty's Stationery Office, vol. 10, 851 p.
- Mansergh N. (Ed.). (1983). *Constitutional Relations between Britain and India: The Transfer of Power 1942–7*. In 12 v. London: His Majesty's Stationery Office, vol. 12, 990 p.
- Nehru J. (1980). *Selected Works of Jawaharlal Nehru*. New Delhi: Nehru Memorial Fund, vol. 13, 495 p.
- Prasad R. (1962). *Autobiography*. Moscow: Foreign Literature, 600 p. (In Russ.)
- Sayeed K.B. (1968). *Pakistan. The Formative Phase 1857–1948*. London: Oxford University Press, 341 p.
- Slade M. (1960). *The Spirit's Pilgrimage*. New York: Coward–McCann, 319 p.

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ. А ЗАВТРА?

Владимир Игоревич САЖИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН,
107031, ул. Рождественка, д. 12, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vsaj1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1429-476 X

Статья поступила в редакцию 24.01.2023

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современной ситуации в Исламской Республике Иран (ИРИ). Эта страна на протяжении всех 44 лет своего существования с момента свержения шаха Ирана и прихода к власти исламских клерикалов неизменно находится в центре мировых событий.

Во второй половине 2022 г. всю страну охватили массовые акции протеста против давления исламских норм на повседневную жизнь иранцев. Инициаторами этих выступлений стала молодежь. Власти жестко реагировали на протесты. Постепенно недовольство молодых людей стало распространяться и на основы исламского режима, его руководителей. Перед правящей элитой стал вопрос о сохранении режима и обеспечении его безопасности.

Тренды развития нынешней ситуации в Иране инициировали процесс возможной трансформации страны, поставили перед правящим режимом экзистенциальные вопросы будущего Исламской Республики.

Для лучшего понимания особенностей социально-политических процессов, происходящих ныне в современном Иране, в статье кратко представлены основные вехи истории Исламской Республики Иран и показана особенность исламского режима в этой стране.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран (ИРИ); хомейнизм; протестное движение в Иране; полиция нравов.

ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: YESTERDAY, TODAY. AND TOMORROW?

Vladimir I. SAZHIN

PhD History, Senior Research Fellow
Center for the Study of the Near and Middle East Countries,
Institute of Oriental Studies RAS,
107031, st. Rozhdestvenka, 12, Moscow, Russian Federation
E-mail: vsaj1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1429-476 X

Received 24.01.2022

Abstract. The article deals with topical problems of the current situation in the Islamic Republic of Iran (IRI). This country has been at the center of world events throughout the 44 years of its existence since the overthrow of the Shah of Iran and the coming to power of Islamic clerics.

In the second half of 2022, mass protests against the harsh pressure of Islamic norms on the daily life of Iranians swept the whole country. The initiators of these performances were the youth. The authorities reacted harshly to the protests. Gradually, the discontent of young people began to spread to the foundations of the Islamic regime and its leaders. The ruling elite was faced with the issue of maintaining, preserving the regime and ensuring its security.

Trends in the development of the current situation in Iran initiated the process of possible transformation of the country, posed existential questions to the ruling regime for the future of the Islamic Republic.

For a better understanding of the features of the socio-political processes currently taking place in modern Iran, the article briefly presents the main milestones in the history of the Islamic Republic of Iran and shows the peculiarity of the Islamic regime in this country.

Keywords: Islamic Republic of Iran (IRI); Khomeinism; protest movement in Iran; morality police.

Исламская Республика Иран (ИРИ) с момента своего создания в 1979 г. вот уже 44 года неизменно находится в центре мировых событий. Для политиков, политологов, журналистов интерес представляет все, что так или иначе связано с ИРИ. Исключительность исламской революции, нетривиальность хомейнизма – учения основателя ИРИ и лидера исламской революции аятоллы Хомейни, уникальность системы государственного устройства, характер ирано-иракской войны, неоднозначность ядерной проблемы

ИРИ, пугающая многих военно-политическая активность Ирана в мире, на Ближнем Востоке, сложнейшие внутриполитические и экономические процессы в стране – объекты тщательного изучения ученых, анализа политиков, деятельности разведок всего мира и постоянная тема журналистов.

Для лучшего понимания особенностей социально-политических процессов, происходящих ныне в современном Иране, необходимо кратко напомнить основные вехи истории Исламской Республики Иран и сущности исламского режима.

Революции в Иране

1963 г. Шах Ирана Мохаммад Реза Пехлеви в отсталой, полуфеодальной стране начинает «Белую революцию шаха и народа» с задачей провести масштабную модернизацию жизни, подорвать экономическое могущество исламского духовенства и нанести удар по самим основам патриархального быта в Иране. Реформы, включающие конфискацию земельных владений родовой аристократии и даже «вакуфов» – земельной собственности мечетей, а точнее, духовных лиц, должны были покончить с феодальными пережитками. Другая задача – интеграция в мировую капиталистическую систему.

Шах мечтал сделать из отсталого Ирана новую Швейцарию в декорациях империи Кира Великого. Шах строил светское государство, уделяя много внимания зороастрийскому, доисламскому прошлому Ирана.

Реформы «Белой революции» успешно продолжались и к середине 70-х годов привели страну к выдающимся результатам. Была построена современная нефтяная, metallurgическая, химическая промышленность; машиностроение; создан военно-промышленный комплекс и основы ядерной энергетики; сформирована система социального страхования; значительно расширены права женщин; создана государственная сеть бесплатного светского образования и т.д.

Иран развивался динамично. Среднегодовой темп прироста валового внутреннего продукта за 1967/68–1976/77 гг. составил 10,8%, а в период 1972/73–1977/78 достиг 26%. ВВП на душу на-

селения с 1963 по 1978 г. увеличился в 15 раз со 100 долл./год до 1521 долл.

Однако уже к середине семидесятых оптимизм сменился разочарованием. Шах не смог разумно распорядиться огромным потоком нефтедолларов. Так, если в 1970 г. Иран имел около 1 млрд долл. доходов от продажи нефти, то в 1977 г. – по разным данным, – 21–24 млрд (по сегодняшнему курсу это 150–170 млрд долл.). Иранская экономика была не в состоянии абсорбировать эти огромные деньги.

При этом надежного экономического механизма «перераспределения сверхприбылей» в обществе попросту не было. Это приводило к тому, что доходы от нефти вызывали коррупцию, вывоз нефтедолларов за рубеж, безудержный рост цен на все и вся. Хотя за годы «Белой революции» общий жизненный уровень у всех слоев населения значительно вырос, расслоение общества достигло опасных пределов. Экономический и социальный кризис назрел.

К середине 1970-х годов практически все слои населения Ирана, за небольшим исключением, были недовольны этой политикой (правда, по совершенно разным причинам). В стране нарастало протестное движение. Причем движение чрезвычайно разномастное, как лоскутное одеяло. В нем с различной степенью масштабности и влияния принимали участие и маоисты, и промосковские коммунисты, и либеральная буржуазия, и «базар», и религиозные группировки – от промарксистских федаинов и моджахедов иранского народа до исламистских радикалов. Конечно, борясь с шахом, каждый из них преследовал свои цели, видел будущее Ирана через призму своей собственной идеологии и, по большому счету, не мог рассчитывать на солидарность и поддержку коллег по борьбе и тем более на союз с ними.

Это хорошо понимал лидер революции аятолла Хомейни – один из главных шиитских обличителей шаха – и его сторонники, в число которых влились не только клерикалы. Обладая мощным идеологическим, финансовым, пропагандистским потенциалом и практически не контролируемой со стороны шаха и его охранки САВАК сетью мечетей, группе Хомейни удалось упаковать разнородные антишахские движения в исламскую оболочку и направить их против общего врага – Мохаммада Резы Пехлеви, его

двора, его семьи, его министров, его окружения, в том числе ком-прадорской буржуазии.

Таким образом, возглавив антимонархическое движение, шиитское духовенство во главе с аятоллой Хомейни в феврале 1979 г. пришло к победе. Постепенно расширяя свое влияние на государственные, общественные организации, создавая свои собственные, шиитские структуры, клерикалы захватили всю полноту власти в стране. «Попутчики» исламской революции были разгромлены шиитскими клерикалами и их союзниками к 1983–1984 гг. Фактически в стране была установлена исламская диктатура.

Революция 1979 г. изменила государственный строй, внесла значительные корректизы в быт, культуру, экономику. Были резко ограничены связи с развитыми странами, введен запрет на использование иностранного капитала, иностранных специалистов. Запад так же, как и СССР, с их идеологиями и культурой, были провозглашены врагами. В одной из своих речей Хомейни заявил: «Америка хуже Англии, Англия хуже Советского Союза, а Советы хуже их обеих» [Жуков, 1999, с. 79].

Таким образом, «Белая революция» стала предтечей исламской революции, которая, несомненно, явилась важным событием XX в. Условно ее можно поставить в один ряд с большевистской Октябрьской революцией в России, которая, как и иранская, перевернула всю страну «до основания» и до сих пор оказывает влияние на развитие политических процессов в регионе и мире.

Идеология Хомейни

Лидер исламской революции и создатель ИРИ аятолла Хомейни шел на борьбу с шахом, вооруженный созданной им идеологией, которую позже называли хомейнизмом или неошизмом.

Вопреки традиционным постулатам шиизма, аятолла Хомейни соединил ислам и политику, одной из главных своих целей определив полную исламизацию всего общества путем насильтвенного расширения сферы влияния религии на позиции, которые в других обществах занимает идеология, с одновременным превращением их в орудие политической борьбы. Лозунг «Наша религия – это наша идеология, наша идеология – это наша политика»

был воплощен аятоллой в жизнь. Таким образом, границы между религиозной, идеологической и политической деятельностью в Иране в значительной степени были размыты и ныне представляют собой единый процесс. Этому воспротивились даже некоторые иранские великие аятоллы. В их числе был и известный аятолла Мохаммад Казем Шариатмадари. В отличие от других противников исламской революции по Хомейни, которые были физически уничтожены, аятолла Шариатмадари и его соратники не были репрессированы, но лишиены возможности политически действовать. Их посадили под домашний арест. Некоторые аятоллы уехали из Ирана, некоторые просто замолчали. Собрались в городе Куме (это центр шиизма) и молчали, не проявляя никакой политической активности против аятоллы Хомейни.

Сущность исламского режима в ИРИ

Аятолла Хомейни на основе своей теории построил уникальную модель государства, в основе которого лежит теократическая система «велаяте-факих», т.е. правление шиитского духовного лидера. «Велаяте-факих» – это тип общественно-политического устройства, воплощенный в канонизированной власти общепризнанного, справедливого богослова-правоведа, представляющего собой высшую инстанцию духовной, шиитской авторитетности – «марджае таглид» и выбранного узким кругом исламских клерикалов-экспертов из среды высшего шиитского духовенства. Верховному руководителю ИРИ принадлежит вся полнота власти – духовной, государственной, политической и военной. В качестве духовного лидера нации это Факих, т.е. глава шиитской общины; в качестве общегосударственного политического вождя и руководителя страны – Раҳбар (лидер), он же – Верховный главнокомандующий вооруженными силами. Должность Высшего руководителя (или другой термин – Верховного лидера) является стержневой для существующего в Иране конституционного строя.

Система государственной власти в ИРИ состоит из двух структур – теократической, свойственной только ИРИ, и общепринятых республиканских, несущих в то же время отпечаток исламских принципов.

При Руководителе действуют несколько сугубо теократических институтов: Совет экспертов (или Совет старейшин), Наблюдательный совет (или Совет хранителей Конституции), Согласительный совет (или Ассамблея по определению государственной целесообразности), а также – Совет по политике возрождения и Высший совет по культурной революции.

Эти исламские органы управляют страной, подобно тому, как это делал в СССР Центральный комитет КПСС, хотя при этом в Советском Союзе работал парламент – Верховный Совет, правительство и судебная власть. Но над ними всегда был ЦК.

Аналогично в ИРИ. Там действует и парламент – меджлис, и кабинет министров (возглавляется президентом ИРИ), и судебная власть, но над ними всегда верховный лидер и исламские советы.

Данные положения, как теоретические, так и сугубо практические, закреплены в конституции ИРИ, принятой в декабре 1979 г.

Военно-политическая доктрина ИРИ

На основе учения Хомейни и конституции ИРИ была выработана доктрина национальной безопасности, на которой основывается внешняя и внутренняя политика иранского руководства.

Доктрина определяет главную цель политики Тегерана: объединение исламского мира по иранскому образцу, создание под эгидой Ирана «мировой исламской общины – уммы». Данное положение официально закреплено в ст. 11 Конституции ИРИ: «Согласно священному аяту («Поистине, этот ваш народ – народ единый, и Я – Господь ваш, поклоняйтесь мне!») (Сура Пророки, 92), все мусульмане представляют собой единую умму. Правительство Исламской Республики Иран обязано сделать так, чтобы его общая политическая линия основывалась на союзе исламских народов; оно должно прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира» [Конституция ..., 1994, с. 73].

Используя теоретические концепции хомейнизма, иранское духовенство определило своих основных доктринальных стратегических противников. В число таких противников входили США,

СССР, Израиль и «неправильные мусульманские режимы» (исламские страны, имеющие политические и экономические отношения с США, с Западом и Израилем). После распада СССР и краха коммунистической идеологии иранское клерикальное руководство посчитало, что военно-политической угрозы со стороны России уже не существует, и вывело РФ из числа главных потенциальных противников ИРИ.

Аятолла Хомейни еще до исламской революции 1979 г. определил врагов иранской шиитской нации. В своих речах и проповедях он неоднократно клеймил позором США, СССР, Израиль и «продавшиеся мировому империализму» некоторые арабские режимы. Так, в своем предсмертном завещании он написал: «Во главе их [т.е. врагов ИРИ. – В. С.] стоят США, государство-террорист, которое сеет огонь по всему миру. И его союзник – международный сионизм – для достижения своих корыстных целей идет на совершение различных преступлений, о которых стыдно даже упоминать» [Жуков, 1999, с. 304]. И дальше: «А в наше время нужно смело говорить об эпохе притеснения исламского мира со стороны США и СССР и всех их приспешников, таких, как саудовцы, этих предателей великого Святилища Господнего, и посыпать им всем проклятия» [Жуков, 1999, с. 307].

Знаменосцем этого мирового исламского революционного процесса призвана стать ИРИ, которая нацелена на насильтвенное распространение своих религиозно-идеологических догматов на остальной мир. Именно здесь явственно проступает главный политический стержень хомейнизма, официальной идеологии ИРИ, – концепция «экспорта исламской революции» по иранскому образцу. И эта концепция имеет не только идеологический смысл, но и юридический, так как она закреплена в Конституции ИРИ¹.

Аятолла Хомейни позиционировал себя ни больше, ни меньше как мирового исламского лидера с радикальными взгля-

¹ Конституция Исламской Республики Иран. Преамбула. Армия ислама. «При создании и обеспечении оборонительных вооруженных сил страны обращается особое внимание на то, чтобы их основой и принципом их деятельности стала вера и исламское учение. Поэтому Армия Исламской Республики Иран и Корпус Стражей Исламской Революции создаются в соответствии с упомянутыми целями. Не только охрана границ, но и исламская миссия, т.е. джихад во имя Бога, а также борьба во имя Божественного закона в мире лежит на их плечах».

дами. В своей речи в марте 1980 г. он сказал: «Мы должны стремиться к разжиганию революции во всем мире и оставить все помыслы об отказе от нее. Так как Иран не только не признает какие-либо различия между мусульманскими странами, но и является заступником всех угнетенных народов. Мы должны сделать понятной нашу позицию относительно держав и сверхдержав и выразить им наш протест, несмотря на трудности, которые мы испытываем. Наше отношение к миру продиктовано нашими верованиями» [Хофман, 2003, с. 115].

Ирано-иракская война

20 сентября 1980 г. иракские войска вторглись на иранскую территорию. Началась восьмилетняя ирано-иракская война, которой предшествовали обоюдные мощные информационно-пропагандистские удары. Цель Саддама Хусейна – отторгнуть от ИРИ богатую нефтью южную провинцию Хузестан с преобладающим арабским населением, воспользовавшись неразберихой и хаосом постреволюционной ситуации. Со стороны аятоллы Хомейни это была попытка на практике осуществить экспорт исламской революции по иранскому образцу в страну, где около 60% мусульмане-шииты. Однако надежды двух диктаторов не оправдались: иранские арабы стойко защищали ИРИ, а иракские шииты – Ирак.

При этом военные муллы ИРИ в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг., вопреки военному искусству, осуществляли невиданную ранее религиозную индоктринацию иранских военнослужащих, в первую очередь ополченцев. Именно им предназначалась роль «человеческих волн». Такая тактика ведения «священной исламской войны» отвергала общепринятые нормы, а главным источником победы считались фанатично преданные исламу «истинные мусульмане», готовые к «шахадату»¹ – гибели за веру. Аятолла Хомейни говорил: «Смерть за веру – это большой праздник для погибшего и его близких... Красная смерть во много раз лучше черной жизни. Мы сегодня нуждаемся в шахадате, чтобы завтра наши дети с гордостью противостояли миру безбожия. Кровь, про-

¹ Шахадат – мученическая смерть за веру. Шахид – павший за веру.

литая во имя джихада, делает ислам еще более блестящим и дает вдохновение потомкам»¹. В ответ тысячи плохо вооруженных и слабо подготовленных в военном отношении ополченцев, юношей от одиннадцати до шестнадцати лет, стариков и даже женщин, с символическими пластмассовыми «ключами от рая» на шее, в религиозном экстазе шеренгой за шеренгой шли на иракские позиции по трупам своих товарищей, не обращая внимания на потери. Они гибли на поле боя с криками: «Аллах акбар! Хомейни – рагбар!» («Аллах велик! Хомейни – вождь!»), свято веря, что они – «шахиды» – уже находятся на пути в обещанный рай. Эти «человеческие волны» оказывали мощное психологическое воздействие на противника.

Война имела тяжелейшие последствия и для Ирака, и для Ирана. Победу в войне не одержала ни одна из сторон. В ходе конфликта погибло приблизительно 180 тыс. иракских солдат и 500 тыс. иранских, а также не менее 20 тыс. мирных жителей [Razoux, 2015]. Ранения получили около 1,5 миллиона человек с обеих сторон. Стороны также понесли значительные материальные потери.

Война способствовала укреплению исламского режима в Иране. Более того, пресловутый Корпус стражей исламской революции (КСИР) превратился из разрозненных полувоенных формирований в мощную регулярную силу, конкурирующую с армией. После войны КСИР постоянно укреплялся в различных сферах, в том числе в финансово-экономической. И сегодня КСИР – это корпоративное объединение чисто военных, разведывательных, полицейско-репрессивных, политico-идеологических, а также финансово-экономических структур современного Ирана. По сути, это многопрофильный мегахолдинг, руководимый непосредственно верховным лидером и его окружением. Сегодня КСИР – это становой хребет государственности Исламской Республики Иран, это – государство в государстве [Сажин, 2017, с. 83–109].

¹ О. Чернета, полковник. Религиозно-идеологическая обработка в Вооруженных силах Ирана // Зарубежное военное обозрение. – 1987. – № 3. – URL: <http://commi.narod.ru/txt/1987/0310.htm> (дата обращения: 14.11.2022).

Ядерная проблема Ирана

Исламская революция 1979 г., свергнувшая шаха, нарушила планы Ирана в области ядерных разработок. Лидер исламской революции аятолла Хомейни после прихода к власти заморозил научно-исследовательские работы и создание ядерной инфраструктуры ИРИ.

В середине 1980-х годов, в разгар ирано-иракской войны, когда иракская армия использовала химическое оружие против иранцев, иранское руководство задумалось о создании собственного оружия массового поражения. В Иране была принята секретная директива, подписанная бывшим президентом А.А. Хашеми-Рафсанджани, по которой наличие ядерного оружия является стратегической гарантией сохранения исламского режима в Тегеране. Был также разработан план «Амад», целью которого являлось создание ядерной боеголовки для баллистической ракеты. Кстати, именно МАГАТЭ стало основным источником сведений о проекте «Амад», опубликовав в конце 2011 г. подробный двенадцатистраничный документ «Возможные военные аспекты» иранской ядерной программы [Rezaei, 2017, p. 181].

С этого времени началось ускоренное развитие ядерных технологий. Иранские ученые-ядерщики сформировали научно-производственную базу, позволившую им создать ядерную инфраструктуру, которая обеспечивает полный ядерный топливный цикл (ЯТЦ), начиная от добычи урановой руды до складирования ядерных отходов. Создание ядерного оружия стало реальностью.

Мировое сообщество, обеспокоенное возможностью военной нуклеаризации Ирана, предпринимало шаги по предотвращению подобной возможности. Сначала в рамках Совета Безопасности ООН, а затем и с помощью мощных санкционных ударов по ИРИ многих стран. В результате под давлением санкций Тегеран был вынужден согласиться с заключением Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, июль 2015 г.). Этот документ, чуть позднее юридически оформленный резолюцией Совбеза ООН № 2231, значительно сужал ядерные возможности ИРИ, закрепляя их в рамках требований МАГАТЭ и Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), ставил всю ее ядерную инфраструктуру под контроль МАГАТЭ. Конечно, это был не идеальный

договор, но он гарантировал военную «безъядерность» Ирана практически в течение 20 лет.

Однако в 2018 г. президент США Трамп вывел Америку из СВПД, по сути развалив его. Иранцы, формально не выходя из соглашения, фактически нарушили все его требования и к настоящему времени достигли такого уровня развития своего ядерного потенциала, который позволяет Тегерану в течение нескольких месяцев создать ядерное зарядное устройство¹.

До сих пор клерикальный режим отказывался принять предложение Вашингтона об отмене многих санкций в обмен на ограничение ядерной программы Тегерана. Последний раунд оптимизма в отношении новой сделки был в августе 2022 г., но не оправдался. Вскоре после того, как в Иране начались протесты, США и их европейские союзники менее готовы продолжать стратегию Тегерана по бесконечным переговорам для получения новых уступок.

Активная внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке

После прихода к президентской власти Эбрахима Раиси в 2021 г., близкого соратника верховного лидера аятоллы Хаменеи, внешнеполитический вектор ИРИ перенаправляется на Восток. Аятолла Хаменеи неоднократно заявлял: «Одним из наших приоритетов сегодня во внешней политике является предпочтение Востока Западу, соседей – отдаленным странам и народам, а стран, которые разделяют наши характеристики – другим» [Sanaei, Karami, 2021]. Поэтому Тегеран будет активен именно на углублении партнерства с соседями, а также с Китаем, Россией и Индией. Конечно, это партнерство будет основываться на различных базисах с преобладанием в разных пропорциях политических, торгово-экономических, военных, военно-технических контентов.

Важнейшим для ИРИ традиционно является также и Ближний Восток. Сегодня там главное для Тегерана – укрепление и ин-

¹ Подробнее см.: Владимир Сажин. Иран – СВПД в новых geopolитических условиях // Сайт журнала Международная жизнь. – 2022. – 30.10. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37611> (дата обращения: 01.11.2022).

тенсификация «шиитской цепи», простирающейся от Ирана к Средиземному морю. (Вспомним концепцию экспорта исламской революции по иранскому образцу). Эффективное использование этой цепи, т.е. создание гарантированного сухопутного пути из ИРИ в Ливан, формирование на сирийской территории системы военных баз, складов, перевалочных пунктов, предприятий по производству вооружения. Это позволило бы Тегерану доминировать во всем ближневосточном регионе и оказывать постоянное мощное давление на Израиль, а также всесторонне поддерживать свою ливанскую креатуру – антиизраильскую Хезболлу и суннитский ХАМАС. Поэтому в Тегеране считают, что Сирия, которая граничит с Израилем и Ливаном, является «золотым звеном» в этой цепи. Таким образом, эта страна оказалась центром прямого боевого противостояния ИРИ и Израиля.

Данная политика основывается на концепции «Оси сопротивления», которая предполагает создание Тегераном шиитского военно-политического блока из своих религиозных, идеальных и политических союзников с целью усиления многоуровневой борьбы против врагов ИРИ, по мнению Тегерана, стремящихся подорвать ее влияние. Как пояснил командующий аэрокосмическими силами КСИР бригадный генерал Амир Али Гаджизаде, «все члены «Оси сопротивления» едины, и мы должны объединить наши усилия по выводу американских сил из региона и уничтожению сионистского режима... «Ось сопротивления» – это не только Иран, она простирается от Красного до Средиземного моря и от «Ансар Аллы» в Йемене до «Хезболлы» в Ливане»¹.

При этом Иран постоянно наращивает свои силы в ближневосточном регионе. Так, по заявлению бывшего главнокомандующего КСИР генерала Мохаммада Али Джаяфари, сделанному им в январе 2016 г., Тегеран готовит 200 тысяч бойцов для боевых действий на Ближнем Востоке. Он признал, что десятки тысяч шиитской молодежи проходят подготовку для ведения «джихада» в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане и Йемене. Джаяфари

¹ Иран мобилизует «ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // Сайт Eurasia Daily (EADaily). – 2020. – 16.02. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydlavlivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka> (дата обращения: 14.11.2022).

назвал их «вооруженным революционным поколением»¹. Силы КСИР сегодня действуют в Сирии, Ираке, Йемене².

Протестное движение в ИРИ

Демонстрации и митинги протesta – это не новое явление во внутриполитической жизни ИРИ. Так же как и репрессии по отношению к инакомыслящим.

Еще не закончилась ирано-иракская война (август 1988 г.), но иранские власти хорошо понимали, что в сложнейший послевоенный период, характеризуемый нестабильностью, экономическими трудностями, наличие политической оппозиции в стране чревато непредсказуемыми для властей последствиями.

Репрессии против оппозиционеров, представляющих левые политические движения, начались в июле 1988 г. и продолжались около пяти месяцев. Основной удар исламские власти нанесли по членам Организации моджахедов иранского народа (ОМИН, или МЕК), Организации партизан-фидайнов (можно сказать, исламско-марксистская группировка), партии Туде (промосковская коммунистическая партия). Их обвинили в антиисламизме и представили или как мохаребов (воюющих против бога), или как мортадов (отступников от ислама).

Приказ о создании специальных комиссий и проведении казней был отдан верховным лидером аятоллой Хомейни. В результате было казнено от 2800 до 30 000³ человек (по разным

¹ Блог «Сирия сегодня» // Сайт Worldpress.com. – 2016. – 16.01. – URL: <https://ayyamru.wordpress.com/2016/01/16/%d0%ba%d1%81%d0%b8%d1%80-%d1%82%d0%b5%d0%b3%d0%b5%d1%80%d0%b0%d0%bd-%d0%b3%d0%be%d1%82%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%82-200-%d1%82%d1%88%d1%81%d1%8f%d1%87-%d0%b1%d0%be%d0%b9%d1%86%d0%be%d0%b2-%d0%b4%d0%bb/> (дата обращения: 16.11.2022).

² Щегловин Ю.Б. Иранский генерал К. Сулеймани создает аналоги КСИР в Ираке и «Хизбаллы» в Сирии // Институт Ближнего Востока. – 2015. – 23.03. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=23950> (дата обращения: 16.11.2022).

³ Sanabargh Zahedi, Chairman of the Judicial Committee of the National Council of Resistance of Iran (NCRI). Ex-Khamenei crony: 33,000 executed during 1988 massacre of political prisoners in Iran // Сайт National Council of Resistance of Iran (NCRI). – 2014. – 12.05. – URL: <https://www.ncr-iran.org/en/editorial/ex->

данным и оценкам). Amnesty International зафиксировала имена 4482 погибших¹.

Это была политическая чистка, беспрецедентная в современной иранской истории как с точки зрения масштабов, так и с точки зрения сокрытия ее итогов.

В августе 1988 г. один из приближенных к верховному лидеру аятолле Хомейни, его фактический заместитель и преемник на то время аятолла Монтазери² посетил «комиссию смерти», в которую входил в качестве заместителя прокурора и нынешний президент Эбрахим Раиси. Аятолла Монтазери выступил с резкой критикой деятельности этой комиссии. Обращаясь к ним, в том числе к Раиси, Монтазери сказал: «Вами было совершено величайшее преступление в истории Исламской Республики, ваши имена будут вписаны в историю как преступников»³.

khamenei-crony-33-000-executed-during-1988-massacre-of-political-prisoners-in-iran/ (дата обращения: 17.11.2022).

¹ Tehran Jails Montazeri's Son for Revealing Father's Dissent // Сайт Ashraq Al-Awsat. – 2016. – 28.11. – URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/world-news/tehran-jails-montazeris-son-revealing-fathers-dissent> (дата обращения: 17.11.2022).

² Великий аятолла Хосейн Али Монтазери (1922–2009) – один из наиболее влиятельных политиков Ирана в период правления аятоллы Хомейни. Аятолла Монтазери с 1985 г. считался официальным преемником Хомейни. В частности, выступал за легализацию политических партий, постепенный отход духовенства от власти и ее передачу гражданским политикам и более открытую политику по отношению к Западу.

Критика Хомейни, прозвучавшая из его уст, была не слишком откровенной вплоть до того, что Монтазери открыто осудил массовую казнь иранских политзаключенных в 1988 г.

Кроме того, он заявлял, что в результате многочисленных ошибок «мы оказались в изоляции в мире, а люди по отношению к нам стали проявлять пессимизм», что «цели революции не достигнуты» из-за «некомпетентности, несправедливости и фракционной борьбы».

Буквально за три месяца до смерти аятоллы Хомейни Монтазери впал у него в немилость, отправлен в отставку со всех постов, поселился в родном городе Куме под надзором КСИР до своей кончины.

³ Араш Гунони. Эбрахим Раиси сейтарейе «ваабияте шийе» бар сиасате Иран. (перс. яз.) (Ибрагим Раиси: доминирование «шиитского ваххабизма» над иранской политикой) // Сайт Радио Farda. 30 месяца Хордада 1400 г. – 2021. – 20.06. – URL: <https://www.radiofarda.com/a/who-is-raisi-and-what-his-presidency-means/31317057.html> (дата обращения: 18.11.2022).

Уже позднее во время предвыборной кампании 2017 г. президент Хасан Роухани (2013–2021) выступил с завуалированной критикой деятельности Раиси, своего тогдашнего конкурента на выборах, объявив: «народ Ирана заявляет, что не принимает тех, кто только вешал и сажал в тюрьму людей последние 38 лет»¹.

В 2009 г., будучи заместителем главы судебной власти ИРИ Э. Раиси жестко разделялся с участниками антиправительственных выступлений «Зеленое движение». Но до этого ИРИ потрясли студенческие протесты 1999 г.

Протесты иранских студентов в июле 1999 г., поводом для которых стало закрытие либеральной газеты «Салам», считаются первым массовым восстанием, инициированным поколением, родившимся при исламском режиме. В нем приняли участие десятки тысяч юношей и девушек по всей стране, но главные события разворачивались в Тегеране. Одно из требований молодежи – либерализация и секуляризация политической жизни в стране.

Студенческие выступления 1999 г. продемонстрировали, что при отсутствии в ИРИ реальной политической оппозиции именно студенчество представляет собой силу, пытающуюся стать последовательным протестным фактором. Численность студенчества оценивается в стране почти в пять миллионов человек². Такую мощную силу нельзя сбрасывать со счетов, и религиозное руководство страны хорошо это понимает, пытаясь любыми способами, в первую очередь – репрессиями, предотвратить рост ее политизации. Однако решить этот вопрос властям не удалось, что и показали последующие протесты.

«Зеленое движение» возникло летом 2009 г., как ответ на предполагаемые подтасовки властей в ходе президентских выборов. Протестанты требовали смещения, по их мнению, неправильно выбранного президента Ахмадинежада и проведения реформ. Движение возглавили проигравшие Ахмадинежаду кандидаты – Мир Хосейн Мусави, бывший когда-то премьер-министром, и бывший спикер меджлиса Мехди Карруби. Духовным лидером оппозици-

¹ Profiles of Iran's 2021 Presidential Candidates // Сайт Iran International. – 2021. – 30.05. – URL: <https://iranintl.com/en/iran/profiles-irans-2021-presidential-candidates> (дата обращения: 14.11.2022).

² Образование в Иране // Сайт Zahn Info. – 2013. – URL: https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Education_in_Iran#Higher_education (дата обращения: 18.11.2022).

онного движения стал уже упоминавшийся аятолла Хосейн Али Монтазери.

Массовые выступления охватили несколько крупных городов, в Тегеране на улицы выходили более миллиона человек, прежде всего молодежь. Но все же в течение двух недель протесты были подавлены. Затем начались репрессии. Лидеры движения были посажены под домашний арест, а аятолла Монтазери умер в декабре 2009 г. Тем не менее несостоявшаяся «зеленая революция» стала первым массовым гражданским выступлением в Иране с политическими лозунгами и требованиями кардинальных реформ самого режима.

Следующими протестными годами стали конец 2017, и 2019–2021 гг. В отличие от предыдущих народных выступлений в этот период главными причинами были экономические, т.е. безудержаный рост цен и безработицы, резкое падение жизненного уровня. Ситуация усугубилась дефицитом воды и нехваткой электроэнергии. К этому добавились последствия и возмущения людей по поводу неэффективной работы властей по противодействию пандемии COVID-19. Протестовали и бастовали водители грузовиков и сталелитейщики, нефтяники и служащие тегеранского метро, дворники крупных городов и работники авиакомпаний, медики, учителя и профессора университетов, студенты.

Выступления часто были спорадическими, неорганизованными, преимущественно с чисто экономическими требованиями. Однако по мере развития ситуации география демонстраций расширялась, появлялись лозунги с требованиями прекратить военно-политическую деятельность Ирана в секторе Газа, в Ливане и Сирии. По мнению протестующих, Тегеран тратит колоссальные деньги на свои заграничные авантюры, а эти средства так необходимы в самом Иране. Постепенно эти претензии переходили в призывы к отставке президента, верховного лидера.

Иранский публицист Маджид Мохаммади назвал три основные причины массового недовольства: высокий уровень коррупции, экономические проблемы и власть исламского духовенства. Последнюю причину Мохаммади выделяет в качестве основной, так как, по его словам, протестующие пришли к выводу, что

существующий клерикальный режим всеми силами пытается сохранить статус-кво и уже не поддается реформированию¹.

Иран сегодня. Внутриполитическая напряженность. Экономический хаос

Безусловно, все предыдущие волны народного недовольства положением вещей в стране сформировали протестную базу для выступлений 2022 г. Нужна была лишь искра. И она появилась.

Молодая девушка 22 лет Махса Амини приехала из своего родного города Саккез, что в иранском Курдистане, к своим родственникам в столицу Тегеран. 13 сентября она была задержана сотрудниками полиции нравов («гаште эршад» – патруль нравов, перс. яз.), которые вменили ей в вину нарушение исламского дресс-кода, т.е. хиджаба². Девушка была доставлена в полицию, где 16 сентября скончалась. Причины смерти называют разные: власти утверждают о результатах хронических болезней, родственники и протестующие настаивают на преступных действиях полиции.

Как бы там ни было, смерть Махсы Амини взорвала ситуацию в ИРИ. Сначала протесты вспыхнули в Тегеране, где наиболее активными были молодые женщины, которые срывали с себя платки, сжигали их. Главными лозунгами протестующих в первые дни были «Женщина! Жизнь! Свобода!» и «Полиция нравов – убийца».

¹ Маджид Мохаммади. Белахере бидарие ираниан мокабеле нокумате рӯhaniun (перс. яз.). (Наконец иранцы проснулись для борьбы против власти клерикалов) // Сайт Радио Фарда. 09 месяца дея 1396 г. – 2017. – 30.12. – URL: <https://www.radiofarda.com/a/majid-mohammadi-on-protests/28947599.html> (дата обращения: 18.11.2022).

² Слово «хиджаб» с арабского переводится как «преграда», «завеса». В изначальном смысле слова «хиджаб» – традиция покрытия тела и любая накидка, покрывающая тело и голову. В разных исламских странах под хиджабом понимают разную одежду. В ИРИ принято носить платок – русари – плотно закрывающий голову, волосы, шею, но оставляющий лицо открытым, а также в обязательном комплекте с так называемым манто – длинной, свободной без намека на талию верхней одеждой типа плаща с рукавами, прикрывающими запястья рук. Под манто, как правило, иранки носят брюки, чулки с обувью, не позволяющими видеть ни сами ноги, ни пальцы ног.

К демонстрантам присоединялись все больше молодых людей¹, в первую очередь студентов и старшеклассников. В день похорон девушки в родном городе протесты начались в Курдистане, распространились на Иранский Азербайджан и провинцию Систан и Белуджистан². Антиправительственные акции стали приобретать национальный оттенок.

Более того, население провинции Систан и Белуджистан в основном сунниты, выступили против диктата шиитского религиозного большинства. В протестах появился конфессиональный аспект. Примечательно, что акции протesta охватили и священные города ИРИ, центры шиизма и сосредоточения священнослужителей – Кум и Мешхед³.

Недовольство протестующих выплескивалось и на сам исламский режим. Они поджигали правительственные здания, мэрии, полицейские участки и автомобили, в том числе машины скорой помощи (поскольку власти использовали их для беспрепятственного перемещения сил безопасности), забрасывали камнями и срывали портреты лидера исламской революции и основателя ИРИ аятоллы Хомейни и нынешнего верховного лидера аятоллы Хаменеи, а также национального героя генерала Солеймани. Лозунги недовольных становились все более радикальными: «Смерть

¹ Население ИРИ по предварительным оценкам CIA – The World Factbook (13.12.2022) в 2023 г. составит 86,76 млн человек. Из них иранцы в возрасте 15–24 лет составят 13,36%, а 25–54 года – 48,94%, т.е. молодежь и люди среднего возраста составят 62,3%. – URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/iran/#people-and-society>

По данным ООН – Demographic Yearbook – 2020. New York: United Nations Statistics Division. Population Estimates by Age Group (01.VII.2020) – на 01 июля 2020 г. население ИРИ составило 84,04 млн человек. Молодёжь в возрасте от 15 до 44 лет (в феврале 2023 г. ИРИ исполняется 44 года) составила 49,09%. – URL: https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/products/dyb/dyb_2020/ (дата обращения: 14.12.2022).

² Иран – многонациональная страна, в которой проживает, по разным данным, 48–61% персов, 18–26% азербайджанцев, 6–8% курдов, ок. 2% белуджей, ок. 2% арабов, а также – гилянцы, таты, талышы и мазендеранцы, луры, бахтияры.

³ Мешхед – столица провинции Хорасан-Резави – второй по численности населения город Ирана, где проживает более 3 млн человек. В городе находится усыпальница восьми шиитских имамов. Президент Раиси, родом из Мешхеда, является зятем Ахмада Аламолходы, представителя верховного лидера аятоллы Хаменеи в этой провинции.

диктатору!», «Смерть Хаменеи!», «Священнослужители, убирайтесь!», «Исламская Республика ПРОТИВ Ирана!», «Отстоим Иран!».

Силы безопасности ИРИ (полиция, ополчение «Басидж»¹, КСИР) предпринимают все меры, в том числе и карательные, чтобы сбить волну недовольства. Так, в период с 17 сентября по 17 декабря 2022 г. по меньшей мере 469 человек, в том числе 63 ребенка и 32 женщины, были убиты силами безопасности. Кроме того, 39 протестующим в настоящее время грозит смертная казнь², в том числе к высшей мере наказания приговорили 17-летнюю Соню Шарифи. Девушке предъявили обвинения во «вражде против Бога». Как утверждают иранские власти, она была замечена за «приготовлением коктейлей Молотова» и «написанием граффити»³.

В декабре начались публичные казни приговоренных: 08 декабря казнен Мохсен Шекари, 12 декабря – Маджид Реза Рахнавард⁴.

Однако репрессии только ожесточают оппозиционеров. Более того, если ранее требования протестующих акцентировались на проблемах хиджаба и более широко – на правах женщин, то теперь после многих смертей и казней люди негодуют по поводу этих кровавых репрессий и выходят на улицы в знак памяти по

¹ Силы сопротивления «Басидж» (мобилизация – перс. яз.), подчинены КСИР. Задачи: военное обучение, а также идеологическая и морально-психологическая подготовка всего населения; гражданская оборона; формирование подготовленного резерва для КСИР; помочь органам безопасности в борьбе с оппозицией и преступными элементами; охрана государственных учреждений и важных военно-экономических объектов страны; всесторонняя подготовка к обороне территории страны.

² Iran Protests 2022. List of 39 Protestors at Risk of Execution and Death Sentences; at Least 469 Protesters Killed // Сайт Iran Human Rights. – 2022. – 17.12. – URL: <https://iranhr.net/en/articles/5653/> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Двум иранским подросткам грозит смертная казнь за участие в протестах // Сайт RTVI. – 2022. – 15.12. – URL: <https://rtvi.com/news/dvum-iranskim-podrostkam-grozit-smertnaya-kazn-za-uchastie-v-protestah/> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Executions 2022 // Сайт Iran Human Rights. – 2022. – 08.12., 12.12. – URL: [https://iranhr.net/en/articles/#/20/all/6/](https://iranhr.net/en/articles/#/20/all/6;); <https://iranhr.net/en/articles/#/20/all/7> (дата обращения: 15.12.2022).

погибшим. Протесты все больше смещаются в неприятие самого исламского режима, который обвиняют и в персидском, и в шиитском шовинизме, и, кроме всего прочего, в экономических провалах и падении жизненного уровня населения.

В валютных обменниках Ирана национальная валюта постоянно падает по отношению к доллару. 22 декабря иранский риал упал до нового исторического минимума, преодолев порог в 400 000 риалов по отношению к доллару США на фоне глубокого политического и экономического кризиса. К этому времени риал потерял почти 50% своей стоимости по сравнению с серединой 2021 г. и более 30% с декабря 2021 г.¹

Низкая стоимость риала означает, что зарплата обычного наемного работника упала примерно до 100–120 долларов в месяц², в то время как цены на продукты растут вслед за инфляцией. Инфляция в стране достигла 52,2% (в сфере продовольствия – 81,2%). Соответственно, цены постоянно растут на все. Так, например, цены на жилье в Тегеране выросли на 45,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Средняя цена одного квадратного метра жилья в Тегеране достигла 467 000 000 риалов³. Уровень безработицы в рамках 12%, а среди молодежи – до 30%. ВВП на душу населения упал почти до 2100 долларов⁴.

Такое кризисное состояние экономики не в последнюю очередь стало результатом жестких четырехлетних санкций США в рамках политики «максимального давления», объявленной президентом Трампом после их выхода из СВПД в 2018 г. Несомненно, это также способствовало нынешним протестам против режима, которые в первую очередь вызваны безнадежностью молодого

¹ US Dollar Rises Above 400,000 Iranian Rials, Signaling New Crisis // Сайт Iran International. – 2022. – 22.12. – URL: <https://wwwiranintl.com/en/202212227836> (дата обращения: 25.12.2022).

² Mardo Soghom. Iran's Economic Crisis Turning Into Economic Chaos. Сайт Iran International. – 2022. – 13.12. – URL: <https://wwwiranintl.com/en/202212133199> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Currency Drop Prompts Calls For Removal Of Iran Central Bank Chief // Сайт Iran International. – 2022. – 13.12. – URL: <https://wwwiranintl.com/en/202212134994> (дата обращения: 20.12.2022).

⁴ Экономика Ирана // Сайт Take-Profit. – URL: <https://take-profit.org/statistics/countries/iran/>; Экономика Ирана // Сайт Tadviser – 2020. – 08.05. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экономика_Ирана (дата обращения: 20.12.2022).

поколения, поскольку все, что они видели за последнее десятилетие, – это снижение уровня жизни, усиление изоляции в мире и усиление репрессий.

Создавшаяся ситуация втягивает в протестное движение не только молодежь, студентов, но многих людей различных профессий: профессоров университетов и учителей школ, водителей грузовиков и нефтяников, бизнесменов и врачей. Протесты поддержали спортсмены, в том числе знаменитые футболисты, известные актеры и юристы, сценаристы и режиссеры, писатели и журналисты. Все они подвергаются преследованиям.

Более того, сестра верховного лидера аятоллы Хаменеи – Бадри Хосейни Хаменеи выступила против политики своего брата. Она опубликовала письмо, в котором осудила репрессии брата в отношении протестующих и призвала сотрудников КСИР сложить оружие и примкнуть к протестующему народу, пока не стало слишком поздно. В своем письме Бадри Хосейни Хаменеи, в частности, пишет: «Али Хаменеи никого не слушает и продолжает путь Хомейни (предыдущего верховного лидера ИРИ) – путь давления протестов и убийства невинных людей... Я посчитала нужным, стремясь отделить свою позицию от позиции своего брата, объявить о своем сочувствии всем матерям, скорбящим из-за преступлений режима Исламской Республики, совершенными со времен правления Хомейни до сегодняшних дней – дней деспотического правления Али Хаменеи. Как и все скорбящие матери Ирана, я скорблю в разлуке со своим ребенком». Ранее сообщалось, что 28 ноября была арестована дочь Бадри Хаменеи (племянница аятоллы) – правозащитница Фариде Морадхани¹.

Иранские эмигранты, число которых достигает нескольких миллионов человек, проживающих ныне во многих странах мира, также выражали поддержку антиправительственному движению в ИРИ. Несмотря на идеологические и политические различия, наблюдающиеся среди эмигрантов, они едины в одном – власть аятолл должна быть ликвидирована. Так, шахиня Фарах Пехлеви и ее сын – наследник свергнутого шаха Мохаммада Резы Пехлеви –

¹ Сестра Верховного лидера Ирана призвала КСИР поддержать протестующих // Сайт РИА Новости. – 2022. – 07.12. – URL: <https://ria.ru/20221207/iran-1836972317.html> (дата обращения: 15.12.2022).

Реза Пехлеви поддержали протестующих, при этом, высказывая надежду на разрушение существующего режима аятолл, они не настаивали на возвращении монархии.

Мариям Раджави – лидер ОМИН – оппозиционной организации, которая в 1978–1979 гг. помогла Хомейни совершить исламскую революцию и впоследствии порвала с режимом, – также поддержала иранских протестантов и уповала на новый демократический Иран.

Надо сказать, что Европа, США и их союзники, поддержав протесты, приняли новые пакеты санкций против ИРИ в связи, в частности, с репрессиями иранских властей против оппозионеров и казни двух юношей. Более того, «классические», доктринальные противники ИРИ США, Израиль и «неправильные мусульманские режимы» стараются использовать эту протестную волну для усиления своего влияния для крушения системы власти в исламском Иране. Особо влияние извне проявляется в национальных регионах ИРИ. Так, оппозиционеры Иранского Курдистана получают помощь, иногда и стрелковое оружие из Иракского Курдистана, а иранские белуджи – из Пакистана.

То есть нынешняя внутриполитическая ситуация, втянувшая в себя миллионы людей в Иране и во многих странах мира, приобретает международный характер.

В Иране 2022 г. не всегда протест выливается на улицы. Во многом он концентрируется в Интернете. Хотя вот уже больше трех месяцев то в одном, то в другом районе, городе провинции вспыхивают демонстрации и акции неповиновения.

«Сейчас люди дают отпор, они не боятся режима... Граждане теперь используют другую тактику. Они перемещаются между разными городами и мешают силам безопасности контролировать большие территории», – подчеркнула иранская журналистка Сима Сабет¹.

Отмечают, что у демонстрантов есть отработанная схема действий. Основываясь на уроках, извлеченных за последнее десятилетие во время антиправительственных акций, в качестве орга-

¹ Martin Chulov. Protests spread in Iran as President Raisi vows to crack down // Сайт The Guardian. – 2022. – 24.09. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/24/protests-spread-in-iran-as-president-raisi-vows-to-crack-down> (дата обращения: 20.11.2022).

низационных инструментов стали активно использоваться смартфоны. С помощью них широко распространялись сообщения о местах демонстраций. Работает такая схема даже при повсеместном отключении Интернета в стране, что и было сделано властями. Одним из эффективных методов, к которому прибегли протестующие, было использование TikTok, приложения для обмена информацией. Независимый иранский обозреватель Мазиар Миан утверждает, что «на третий месяц протесты становятся более организованными. Если мы один или несколько дней не видим масштабных протестов, потом появляется призыв на три дня. И в эти три дня вся страна выходит на улицу, и мы видим широкие протесты»¹.

Наблюдатели отмечают, что минусом в деле достижения целей протестов является их неорганизованность и отсутствие лидеров.

Оппозиционная молодежь, понимая это, создала альянс из нескольких независимых региональных протестных групп, назвав его «Объединенная молодежь Ирана» – ОМИ (United Youth of Iran – UYI). ОМИ распространила в декабре манифест из 43 статей, краеугольным камнем которого является избавление от исламской республики, отделение религии от государства и формирование инклюзивного демократического правительства. Документ подчеркивает строго светский характер любого будущего правительства².

В статьях манифеста декларируется право иранского народа на самоопределение, равенство граждан перед законом, полное равенство мужчин и женщин, свобода убеждений и религии, свобода слова, свобода создания торговых и других союзов, а также личные свободы.

Внешняя политика страны, – говорится в манифесте, – должна основываться на обеспечении национальных интересов и поддержании глобального мира и невмешательстве. Подчеркивается, что будущее правительство Ирана должно быть привержено

¹ Протесты в Иране становятся более организованными // Сайт TV Espresso. – 2022. – 27.11. – URL: <https://ru.espresso.tv/protesty-v-irane-stanovyyatsya-bolee-organizovannymi-iranskiy-obozrevatel-mian> (дата обращения: 10.12.2022).

² Maryam Sinaee. Revolutionary Youth Groups In Iran Publish Manifesto For Future // Сайт Iran International. – 2022. – 11.12. – URL: <https://wwwiranintl.com/en/202212111841> (дата обращения: 20.12.2022).

международным хартиям и конвенциям, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенцию о правах ребенка.

Как считают члены ОМИ, манифест может стать наброском или руководством для новой конституции, отражающей чаяния большинства молодых и пожилых иранцев, после исламской республики.

Протестанты в Иране также дискутируют о лидерах. Предлагается много вариантов, в том числе и выдвижение на лидерство (возможно, формально-церемониальное) видных деятелей культуры и / или спорта, проживающих за границей, но полностью поддерживающих цели движения.

Таким образом, недовольство в Иране не ослабевает, протестанты ищут и пробуют новые формы и методы борьбы, делают попытки вписать движение в организационные структуры.

Резюме

Аятолле Хомейни и его сподвижникам удалось создать в Иране исламский, шиитский режим, основанный на жесткой политico-идеологической системе «велаяте-факих», в течение почти 44 лет демонстрирующий устойчивость при различных, даже штормовых ситуациях в стране и мире.

ИРИ прошла различные этапы в своем развитии: и революционный террор, и войну, и своеобразную оттепель, и вновь заморозки и эволюционные реформы. Но вполне корректным было бы утверждать, что все эти реформы заключались, пожалуй, лишь в расширении или сужении рамок дозволенного в огромном пространстве догматических ограничений (политических, экономических, социальных, культурных). При этом все эволюционные процессы в ИРИ шли под знаменем Хомейни, под его обязательными портретами, под его цитирование, под его, по сути, культом личности. Временами, как отмечалось выше, эти ограниченные реформы были результатом взрывов недовольства той или другой части населения и не затрагивали основы режима.

Безусловно, за 44 года после исламской революции Иран добился значительных успехов в различных сферах, особенно в науке, на развитии которой были сконцентрированы усилия руководства страны. В стране открылись десятки университетов и колледжей. По их количеству ИРИ опережает большинство мусульманских стран. Так же как и по числу студентов, в том числе женщин. Приток молодежи с высшим образованием в науку вывел Иран в передовики в области биотехнологий, ядерной физики, космических исследований, военных технологий и других областях.

Причем определенные достижения отмечаются и в медицине, и в социальной сфере, и в росте самосознания иранцев, прежде всего молодежи.

Однако мир меняется очень быстро, меняются и поколения иранцев. Ныне в ИРИ около 50% населения молодежь, родившаяся после исламской революции. Глубокая пропасть между престарелыми клериками и молодыми поколениями разверзается с огромной скоростью. Молодые, будучи продуктом глобализации и развития коммуникаций, стремятся приобщиться к достижениям мирового прогресса, изменить традиционный образ жизни, что не всегда согласуется с закрепленными исламским государством нормами и правилами.

Не случайно основные инициаторы и участники протеста – девушки и юноши, как говорят в Иране, «dahe-ye hashtadiha» – «поколение 80-х» по иранскому календарю (т.е. родившиеся в последние два десятилетия). По официальным данным, средний возраст молодежных участников акций ниже 20 лет. Иранские юноши и девушки, получившие хорошее образование, знающие иностранные языки, поголовно пользующиеся Интернетом (в ИРИ около 70% населения являются пользователями Интернета), в современных реалиях не могут принять догматы и миропонимание, исходящие из средних веков, даже чуть осовремененные учением хомейнизма и отдельными реформами. Им надоели строгие исламские нормы, оказывающие сильнейшее давление на их повседневную жизнь. Они слушают ту же музыку, они смотрят те же фильмы, что и европейская молодежь, и стремятся приобщиться к утвердившимся в современном мире жизненным ценностям. Они смотрят в будущее и не желают подчиняться решениям престарелых аятолл.

Известная российская журналистка Юлия Юзик, много писавшая об Иране, в одном из интервью сказала: «Сейчас в этих протестах речь идет не о прозападных или провосточных настроениях. Идентичность этого протesta – это свержение мулл, теократии. Лозунги сводятся к “Долой власть мулл!”, «Хаменеи, уйди из власти!». Люди готовы погибать, выходить на улицы, чтобы свергнуть эту власть. Протест носит антитеократический характер: даже девочки в хиджабах, например, в закрытой черной одежде, если видят, что по улице идет мулла, подбегают к нему, сбивают с него чалму и эти чалмы уносят с собой. Это не прозападный или антизападный протест, это протест, чтобы стать светским государством»¹.

Примечательные в этой связи заявления члена Высшего совета культурной революции Ирана, ультраконсервативного политика Хасана Рахимпура Азгади, который признал, что ИРИ не смогла достичь своих желаемых религиозных идеологических целей. Он подчеркнул: «Несмотря на контроль над всеми СМИ, организациями, мечетями и школами, мы [т.е. Исламская Республика. – В. С.] не смогли достичь идеологических целей».

Г-н Азгади назвал народные выступления 2022 г. «сигналом тревоги перед смертью – an alarm before death»².

Действительно, нынешние протесты в ИРИ являются самыми масштабными в истории страны. Как заявил уже упоминавшийся иранский политолог Мазиар Миан, «иранский народ понимает, что реформы стране не помогут и нужно сбрасывать режим»³.

Израиль, как главный враг ИРИ, внимательно и скрупулезно наблюдает и изучает ситуацию в этой стране. Своё мнение высказал бригадный генерал в отставке и бывший заместитель ми-

¹ Екатерина Винокурова. Тегеран-22: к чему приведут массовые протесты в Иране. Интервью с Юлией Юзик // Сайт Яр Новости. – 2022. – 30.11. – URL: <https://yarnovosti.com/news/tegeran-22-k-chemu-privedut-massovye-protesty-v-irane/> (дата обращения: 10.12.2022).

² Regime Insider Says Iran Protests Are Alarm Before Death // Сайт Iran International. – 2022. – 01.12. – URL: <https://wwwiranintlcom/en/202212015629> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Протесты в Иране становятся более организованными. Сайт TV Espresso. – 2022. – 27.11. – URL: <https://ru.espressotv.ru/protesty-v-irane-stanovyyatsya-bolee-organizovannymi-iranskiy-obozrevatel-mian> (дата обращения: 10.12.2022).

нистра обороны Израиля Эфраим Снэ, заявив: «то, что мы наблюдаем сейчас, меняет лицо Ирана, пути обратно уже не будет». По его словам, нынешний Иран – это не тот Иран, который существовал 5–10 лет назад, или в прошлом году, или даже три месяца назад. То, что происходит там сейчас, – глубже, шире и необратимо. Это больше не локальные беспорядки или переходящая болезнь. То, что мы видим, «меняет лицо Ирана безвозвратно»¹.

Нынешние беспорядки представляют собой серьезную угрозу приоритету, определявшему правление верховного лидера аятоллы Али Хаменеи с 1989 г., – выживанию Исламской Республики и ее религиозного истеблишмента любой ценой.

В верхних эшелонах власти началась дискуссия по поводу «что делать?». В этих властных кругах реформаторов или, по иранским масштабам, либералов вообще практически нет. А вот в клане правящих радикалов и консерваторов сомнения. Некоторые из них говорят, что надо прислушаться, провести какие-то небольшие реформы. Другие считают, что надо жестко подавить это сопротивление, чтобы в будущем неповадно было. И их, надо признать, большинство.

Да, власть имеет все силовые возможности для подавления выступлений. Но решение ли это важнейших проблем современного Ирана? Силой обнулить недовольство подавляющей части иранцев, прежде всего молодежи, невозможно. Внешние проявления этого недовольства временно устраниТЬ можно. Но это как пожар на торфяниках: огонь уходит вглубь. Вроде бы огня нет, а потом раз – и опять все разгорается. И триггером новой вспышки может стать что угодно. При этом новая волна недовольства и протестов, которая поднимется через год, два, пять лет, несомненно, будет более мощной и более катастрофической для правящей элиты ИРИ и ее режима.

Другой путь для властей – диалог с оппозицией и провозглашение реформ. Но и здесь для правящей элиты проблемы. Поверхностные, косметические, показушные реформы, несущие лишь расширение рамок дозволенного в океане запретов, не решат

¹ Бывший замминистра обороны Израиля: в иранских протестах не хватает 3 вещей для свержения режима // Сайт Israelinfo. – 2022. – 15.12. – URL: <https://news.israelinfo.co.il/107619> (дата обращения: 20.12.2022).

вопросы безопасности существующего режима. К примеру, даже если власти отменят обязательное ношение хиджаба или ликвидируют полицию нравов (о чем постоянно говорят в иранских СМИ), это не остановит протесты.

С другой стороны, полноценные, глубинные реформы, причем во всех областях жизни (в экономике, в управлении ею, во внутренней и внешней политике, в судебной системе, в социальной и культурной сферах, включая вопросы влияния на нее религии), на чем настаивают протестующие, поставят под вопрос само существование Исламской Республики в нынешнем ее виде. Это, конечно же, соответствовало бы требованиям оппозиции, но вряд ли – убеждениям и взглядам правящей элиты.

Таким образом, можно констатировать, что сложнейшие процессы, происходящие в конце 2022 г. в Иране, инициировали процедуру трансформации страны, поставили перед правящим режимом экзистенциальные вопросы будущего Исламской Республики.

Список литературы

- Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. – Москва : Палея, 1999. – 448 с. – ISBN 5-86020-261-X.
- Жуков Д.А. Небо над Ираном ясное: очерк политической биографии имама Хомейни // Хомейни Р.М. Путь к свободе: речи и завещание. – Москва, 1999. – 419 с. – ISBN 5-86020-262-9.
- Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы. – Москва : изд. Посольства ИРИ в РФ, 1994. – 73 с.
- Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017 – № 10 (3). – С. 83–109.
- Хофман Б. Терроризм взгляд изнутри. – Москва : Ультра. Культура, 2003. – 252 с.
- Razoux P. The Iran-Iraq War. – Cambridge, Mass: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2015. – 688 p.
- Rezaei F. Iran's Nuclear Program: A Study in Proliferation and Rollback. – Springer, 2017. – 272 p. – ISBN 9783319441207; ISBN 3319441205.
- Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs – 2021. – No. 3. – P. 25–49. – DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49.
- Баргозидеъ аз сохане эмам хомейни раҳбаре мостазефанд джанан (перс. яз.) Из высказываний имама Хомейни – вождя угнетенных мира. – Отдел изучения ислама при Министерстве исламской ориентации. – Тегеран. Б/г.

References

- Ansari H. (1999). *Imam Khomeini. Political struggle from birth to death*. Moscow: Palea, 448 p. (In Russ.) ISBN 5-86020-261-X.
- Bargozideye az sokhane emam khomeini rabbare mostazefane jahan. The statements of Imam Khomeini – the leader of the oppressed of the world. Department of Islamic Studies under the Ministry of Islamic Orientation. Tehran. B/g.
- Hoffman B. (2003). *Inside Terrorism*. Moscow: Ultra Publishing House. Culture, 252 p. (In Russ.)
- Razoux P. (2015). *The Iran-Iraq War*. Cambridge, Mass: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 688 p.
- Rezaei F. (2017). *Iran's Nuclear Program: A Study in Proliferation and Rollback*. Springer, 272 p. ISBN 9783319441207, ISBN 3319441205.
- Sanaei M., Karami J. (2021). Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. Russia in Global Affairs, no. 3, pp. 25–49. (In Russ.) DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-25–49.
- Sazhin V.I. (2017). Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps – a state within a state. *Journal Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 10 (3), pp. 83–109. (In Russ.)
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran. (1994). *Collection "Spring of Freedom"*. Moscow: ed. Embassy of the Islamic Republic of Iran in the Russian Federation, 73 p. (In Russ.)
- Zhukov D.A. (1999). The sky over Iran is clear: an essay on the political biography of Imam Khomeini. Khomeini R.M. *The Path to Freedom: Speeches and Testament*. Moscow, 419 p. (In Russ.) ISBN 5-86020-262-9.

ИСЛАМ ВО ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра арабских исследований Института востоковедения РАН;
ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки
Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российской Федерации
E-mail: dolgov.boris@list.ru
ORCID: 0000-0001-6541-5862

Статья поступила в редакцию 26.12.2022

Аннотация. В статье рассматривается феномен многолетнего существования самого многочисленного в Западной Европе мусульманского сообщества во Франции. Выявляется роль ислама в секулярном французском обществе. В качестве основного метода научного исследования использовался междисциплинарный подход. Рассмотрены этапы формирования мусульманского сообщества. Подробно анализируются организации, созданные как самими французскими мусульманами, так и французскими властями с целью поддержания постоянного контакта с мусульманской общиной. Особое внимание уделено развитию мусульманского сообщества в 2015–2020-е годы, когда феномен присутствия ислама стал трактоваться как «французский ислам». При этом поколения французских мусульман, родившихся во Франции и получивших французское гражданство, стали, с одной стороны, более активно участвовать во всех сферах жизни страны. С другой стороны, происходила маргинализация части мусульманской молодежи, способствовавшая распространению в ее рядах радикального исламизма. Результатом этих процессов стал рост исламофобии после ряда терактов в 2015–2022 гг., что обусловило некое размежевание во французском обществе и тенденцию к его трансформации.

Ключевые слова: французское мусульманское сообщество; ислам; радикальный исламизм; секулярное общество.

ISLAM IN FRANCE IN CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE FRENCH SOCIETY

Boris V. DOLGOV

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
Center for Arab Studies, Institute of Oriental Studies RAS;
Leading Researcher, Department of Europe and America INION RAN,
117997, st. Profsoyuznaya, 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: dolgov.boris@list.ru
ORCID: 0000-0001-6541-5862

Received 26.12.2022

Abstract. The article covers the phenomenon of existence during a lot of years of the Moslem community in France which is historically established as the biggest one in Western Europe. The role of Islam in secular French society is researched. The key research method is interdisciplinary approach. The stages of establishing of the Moslem community are examined. The organizations which were established by the Moslems themselves and by the French authorities in order to contact with Moslem community are analyzed in details. The special attention is allotted to the development of the Moslem community in the years of 2015–2020, where the phenomenon of presence of the Islam became interpreted as “French Islam”. Nevertheless the generations of Moslems who was born in France and got the French citizenship from one side became to participate more actively in all spheres of life. From another side the marginalization of the part of Moslem youth contributed to propagate the ideology of radical Islamism in its ranges. As a result of it French Moslems participated in the actions of Islamist terrorist groups in France and outside as well. The tendency of the spreading of the islamophobia in the part of French society after terrorist actions in the years of 2015–2022 is examined and analyzed. This situation provoked some confrontation in French society and its transformation.

Keywords: French Moslem society; Islam; islamophobia; radical Islamism; civilian society.

Исторически сложившиеся связи стран-метрополий с их бывшими колониями, а также кризисные явления в социально-экономической и политической сферах и вооруженные конфликты, прежде всего затронувшие страны Азии и Африки, имели одним из своих последствий миграцию значительного числа людей. В XXI в.

более 200 млн человек в мире являлись мигрантами и проживали за пределами своих национальных территорий. Прибытие большого числа мигрантов приводило к появлению в принимающих странах диаспор, которые обладали своей собственной культурной и религиозной идентификацией. В этом отношении наиболее ярким примером является самая большая по численности в Европе мусульманская диаспора во Франции.

Формирование мусульманского сообщества во Франции

Ислам, на протяжении веков выработавший систему культурных, моральных и этических норм, стал для большого числа мусульман не только религией, но и образом жизни. Эти нормы до настоящего времени в значительной степени являются регуляторами отношений в повседневной жизни и общественно-политической практике в мусульманском обществе, в том числе в мусульманских диаспорах. Тем не менее часть мигрантов интегрируется в принимающее общество. При этом, с одной стороны, принимающее общество оказывает существенное влияние на мусульман-мигрантов и, с другой стороны, само мусульманское сообщество также влияет на принимающую страну. Это ведет к определенным изменениям в социокультурной и конфессиональной идентичности принимающего общества, что, на наш взгляд, имеет место во Франции. Наряду с этим в самой мусульманской диаспоре происходят неоднозначные процессы, связанные с социально-экономическими проблемами, затрагивающими в первую очередь мусульманское сообщество, и влиянием идеологии радикального исламизма.

Мусульмане стали весьма заметным сегментом населения Франции, так же как и практических всех стран Западной Европы. Часть мусульманской диаспоры восприняла европейские цивилизационные ценности и в достаточной степени интегрировалась в европейское общество. Наряду с этим значительное число мусульман воспринимает ислам как основу своей цивилизационной идентификации. Для них следование традиционным правилам и религиозным канонам является более приемлемым, чем культурно-исторические традиции и нормы поведения принявшей их страны.

Достаточно сложно назвать точную цифру мусульман во Франции ввиду того, что, как отмечает видный французский ис-

следователь Жиль Кепель, «вопрос о конфессиональной принадлежности при проведении переписи и социальных исследований вступает в противоречие с основным принципом французской конституции, а именно, светскости, в соответствии с которым религиозная принадлежность является частным делом гражданина» [Kepel, 2004, p. 137]. Тем не менее, по разным данным, во Франции проживало более 7 млн мусульман, из которых около 82% являлись выходцами из стран Магриба. Из этого числа до 43% – алжирцы, 28% – марокканцы, 11% – тунисцы. Выходцы из черной Африки составляли свыше 9%, турки и представители других мусульманских регионов более 8%. При этом население Франции на начало 2022 г. насчитывало 67,8 млн человек¹. Причем большая часть мигрантов проживает в окрестностях и в пределах больших городов, таких, как Париж, Марсель, Лион, Бордо, Страсбург, Лилль, Монпелье.

Формирование мусульманской диаспоры происходило в течение достаточно длительного периода. Первая волна мигрантов относится к началу XX в. В особенности это связано с Первой мировой войной (1914–1918), когда большое число магрибинцев, в первую очередь алжирцев, были призваны во французскую армию и участвовали в боевых действиях². Затем многие из них, награжденные французскими боевыми наградами и получившие известные привилегии, остались во Франции. В 1920-х годах трудовая миграция продолжалась, вызванная потребностями в послевоенном восстановлении и наметившимся промышленным подъемом. Вторая значительная волна мигрантов прибывает во Францию в 1960-х годах. Она связана, с одной стороны, с окончанием колониальной войны, которую вела Франция в Алжире (1954–1962). Данные мигранты в значительной степени состояли из алжирцев, сотрудничавших в период войны с французскими властями (так

¹ La population française // Statista. – 2022. – 1 января. – URL: <https://fr.statista.com/471946/population-totale-france> (дата обращения: 15.04.2022).

² Роль солдат-мусульман, воевавших в рядах французской армии во время Первой и Второй мировых войн, отметил президент Николя Саркози 26.01.2010 при посещении мемориального комплекса Нотр-Дам-де-Лоретт в районе Па-де-Кале. Здесь покоятся останки 40 тыс. французских солдат, среди которых имеется около 600 могил (в том числе братских) военнослужащих-мусульман (Nicola Sarkozy visite. – 2010. – URL: <http://www.la-croix.com> (дата обращения: 26.01.2010)).

называемые «харки»). С другой стороны, это было обусловлено новым экономическим подъемом во Франции, требовавшим большого количества рабочей силы. В последующие годы эмиграция также шла достаточно высокими темпами, в том числе по причине принятых во Франции законов о воссоединении семей, предоставивших существенные льготы магрибинским мигрантам.

Мусульманская община во Франции располагает целым рядом своих профессиональных, гуманитарных, просветительских и религиозных организаций. В настоящее время во Франции проживает уже третье и четвертое поколение мусульман-мигрантов, многие из которых родились во Франции и имеют французское гражданство. Тем не менее часть мусульман привержена традициям своей религии и культуры. В то же время мусульманская община во Франции существует в условиях секулярного общества и светской демократии. При этом становление современного французского гражданского общества и демократического государственно-политического устройства происходило на протяжении достаточно длительного и сложного периода, в течение которого Франция с момента Великой французской революции 1789 г. пережила еще три революции (1830, 1848, 1871).

До настоящего времени во Франции взаимоотношения государства и религии регулируются законом об отделении церкви от государства, который был принят в 1905 г. В соответствии с ним гарантируется свобода вероисповедания всех конфессий, при этом государство отказывается от финансирования какой-либо из них. Религия определяется как частное дело гражданина, церковные учреждения и священнослужители должны содержаться на средства верующих. Согласно первой главе французской конституции, Франция «является неделимой, светской, демократической и социальной республикой» [Constitution française, 2011, p. 3]. Вместе с тем в соответствии с законом № 2003-2 от 18.03.2003 в данную главу было внесено изменение о том, что Французская Республика уважает все верования. Необходимо отметить, что Франция является единственной страной в ЕС, которая провозглашает светскость в качестве официальной идеологии. В то же время, разъясняя феномен светскости, Николя Саркози, президент Франции с 2007 по 2012 г., отмечал, что «светскость гарантирует право каждого гражданина исповедовать свою религию, так же как и

право быть атеистом. Светскость не является противником религий. Напротив, светскость – гаранция свободы совести каждого гражданина» [Sarkozy, 2004, p. 16]. В свою очередь президент Франсуа Олланд (2012–2017) во время визита в Тунис в июле 2013 г. подтвердил, что «ислам не противоречит демократическим ценностям, что подтверждает опыт Франции»¹. Наряду с этим имам Большой парижской мечети² и ректор действующего при ней Мусульманского института Даиль Бубакер, касаясь светского характера Французской Республики и возможного его противоречия с практикой ислама, в беседе с автором этих строк заявлял, что «светскость предоставляет всем верующим право исповедовать свою веру, и в этом ее задача»³.

Направления ислама и мусульманские организации во Франции

В процессе социокультурного развития мусульманской общины во Франции возникло несколько направлений практики ислама. Наиболее распространенным является традиционный классический ислам, представленный различными мазхабами⁴ суннитского толка. Его проповедуют, в частности, имамы и теологи

¹ François Holland praises Tunisia as «model» for region // BBC news. – 2013. – 5 July. – URL: <http://bloc.co.uk/news/world-africa-23204230> (дата обращения: 29.01.2014).

² Большая парижская мечеть была основана в 1922 г. при содействии французских властей. Таким образом Франция хотела выразить свою признательность мусульманам, сражавшимся в рядах французской армии во время Первой мировой войны и принимавшим участие в наиболее кровопролитных сражениях, а именно в битве под Верденом в 1916 г. Мемориальный комплекс в память погибших солдат-мусульман, в частности, был открыт на территории мечети президентом Ж. Шираком в 2006 г. Мечеть построена на участке земли площадью в 1 гектар, также предоставленном мэрией Парижа. Мечеть имеет минарет высотой 34 м. При мечети функционирует Мусульманский институт, на двух факультетах которого студенты могут изучать теологические дисциплины и арабский язык [Institut … , 2008, p. 18].

³ Беседа с Даилием Бубакером. 12.01.2010. Париж. Архив автора.

⁴ Мазхаб – мусульманская богословско-правовая школа. В суннитском направлении ислама выделяют, прежде всего, четыре основные богословско-правовые школы – ханафитов, маликитов, шафиитов и ханбалитов [Ислам … , 1991, с. 152].

Большой парижской мечети, которая является одной из наиболее известных и уважаемых мусульманских структур. Эта мечеть имеет достаточно тесные связи с представителями алжирской части французского мусульманского сообщества, а также с посольством Алжира и, соответственно, с алжирскими властями. В ней проходят торжественные богослужения, а также различные культовые мероприятия во время мусульманских праздников. Французские руководители неоднократно посещали Большую парижскую мечеть, где они зачитывали свои обращения по тем или иным поводам к французским мусульманам. Профессор Иваз, ведущий преподаватель-теолог Мусульманского института при Большой парижской мечети в беседе с автором этих строк подчеркивал, что «французские мусульмане в основной своей массе являются приверженцами классического ислама»¹.

Что касается современных явлений в исламе, в частности феномена «политического ислама», то профессор Иваз напоминал, что Пророк Мухаммед в своих деяниях также использовал политические методы, так как в исламе нет разделения на гражданскую и религиозную власть. Нет принципа, провозглашающего «Богу – богово, кесарю – кесарево». Ислам предполагает единство религии и государства со времен Пророка Мухаммеда. В этом его отличие от христианства. Касаясь высказываний часто цитируемого радикальными исламистами видного мусульманского деятеля Ахмада Ибн Таймийи (1263–1328) и некоторых сур Корана, а именно «Аль-Майды» (Трапеза), в которых подтверждается возможность и обязанность мусульманина бороться против «правителей-тиранов, которые не исполняют то, что ниспослано Аллахом» [Коран, 1963, с. 78], профессор Иваз отмечал, что «нельзя отдавать священные тексты в любые руки. Коран – божественное откровение, не каждому дано право его интерпретировать»².

В 1980–1990-е годы во Франции происходит становление и формирование целого ряда мусульманских организаций. Причем часть из них создавалась самими мусульманами, а часть инициировалась французскими властями с целью налаживания постоянного контакта с мусульманским сообществом. Так, в конце 1980-х

¹ Беседа с профессором Ивазом. 12.12.2009. Париж. Архив автора.

² Беседа с профессором Ивазом. 13.01.2010. Париж. Архив автора.

годов несколькими мусульманскими общинами была создана Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ) (*Fédération Nationale des Musulmans de France – FNMF*), которая отражала идеологию традиционного ислама. НФМФ имела достаточно прочные связи с марокканской и турецкой общинами и в то же время представляла собой своеобразного оппонента Большой парижской мечети. Президентом НФМФ являлся известный во Франции мусульманский деятель Мухаммед Бешари, ее вице-президент – Абдалла Буссуф, имам мечети в г. Страсбурге. НФМФ курировала несколько мечетей в пригородах Парижа и на востоке Франции. Руководство НФМФ не раз выражало обеспокоенность по поводу проявлений исламофобии у некоторых политических деятелей и в части французских СМИ. Так, в своем заявлении «Нет исламизации насилия» НФМФ отвергала какую-либо связь между исламом и насилием и терроризмом и призывала к «диалогу между религиозными общинами с тем, чтобы способствовать созданию атмосферы толерантности и взаимного уважения между верующими всех конфессий»¹.

В этот же период по инициативе мусульманских религиозных деятелей фундаменталистского толка сформировался Союз исламских организаций Франции (СИОФ) (*Union des organisations islamiques de France – UOIF*). Одним из его основателей и первым председателем являлся видный мусульманский идеолог Фуад Алауи². СИОФ, в создании которого активную роль играли французские мусульмане, последователи египетской ассоциации «Братья-мусульмане», воспринимался частью французского общества как радикальная и обскурантистская исламистская организация. Тем не менее СИОФ не причислялся французскими властями к радикальным организациям, так как он не выдвигал каких-либо экстремистских лозунгов. Напротив, имамы СИОФ зачастую проводили гуманитарную деятельность в «трудных» районах крупных

¹ Islam pratique // The religion of Islam. – 2009. – URL: <http://www.portail.religion.com/FR/dossier/islam/pratique/institution> (дата обращения: 17.12.2009).

² Алауи Фуад (*Alaoui Fouad*), род. в 1961 г. в г. Таза (Марокко). Его семья иммигрировала во Францию в г. Бордо, где он получил высшее медицинское образование. Инициировав с рядом мусульманских активистов создание СИОФ, он являлся его генеральным секретарем до 2005 г. Затем стал директором мусульманского издательства Gedis, финансируемого СИОФ [Godard, Taussig, 2007, p. 240].

французских городов, где в основном проживала неимущая часть мусульманского сообщества, с тем, чтобы снизить здесь уровень социальной напряженности и не допустить протестных выступлений радикально настроенной мусульманской молодежи. В связи с этим президент СИОФ в своем выступлении на ежегодном форуме французских мусульман «Встреча мусульман Франции» заявлял, что мусульманской молодежи необходима «духовность, которая умиротворяет, воспитывает ответственность в поступках, отвергает насилие, учит уважать плюрализм. Ислам является носителем этой великой духовности, способствующей социальному миру и национальному согласию» [Geisser, Zemouri, 2007, p. 117]. СИОФ регулярно публиковал на своем интернет-сайте статьи, посвященные различным вопросам, связанным как с повседневной жизнью мусульманской общины, так и с теологическим дискурсом. Так, например, вопросу совместимости ислама с демократией, вызывавшему острые дискуссии в среде мусульманских философов и идеологов, была посвящена обширная статья «Совместима ли демократия с исламом». В ней сделана попытка определения демократии как социального феномена, приведены мнения таких известных основоположников демократического государственно-политического устройства, как Авраам Линкольн и Алексис Токвиль, рассмотрены суры Корана, соотносимые с основными положениями демократии. В итоге делался вывод о том, что «принципиальные элементы демократии целиком совместимы с исламом. Эти принципы применимы повсюду, но каждое общество должно найти свою модель демократии, соответствующую его истории и культуре»¹. Наряду с мусульманскими деятелями СИОФ, развивавшими в определенной мере исламскую теоретическую мысль, значительное влияние на этот процесс оказывали также видные исследователи философии и истории ислама, не состоявшие в мусульманских организациях. Одним из наиболее известных из них являлся Мухаммед Аркун (1928–2010), представитель старшего поколения французского мусульманского сообщества, родившийся в горном районе Большой Кабилии в Алжире. Приехав во Францию и получив образование, он впоследствии стал про-

¹ La démocratie est-elle compatible avec l'islam? – 2013. – 1 septembre. – URL: <http://www.uoif-online.com> (дата обращения: 05.09.2013).

фессором Сорбонны, известнейшим специалистом по арабской литературе, а также одним из лучших знатоков философии и истории ислама, признанным во Франции и за рубежом. В своих работах он предлагал критический взгляд на ислам по отношению к его принципам и ценностям. Так, М. Аркун анализировал феномен фанатизма части сторонников радикальных течений политического ислама и развенчивал концепцию *джихада*. Он рассматривал также такой важный вопрос, как «истоки идеологии арабских национально-освободительных революций» [Arkoun, 2012, p. 110].

Ежегодно СИОФ проводил в пригороде Парижа на территории выставочного комплекса Ле Бурже выше упоминавшиеся форумы «Встречи мусульман Франции». На них обсуждались различные проблемы, связанные с жизнью мусульманской общины и французского общества в целом, а также проходили дискуссии по теологическим вопросам, на которых выступали видные мусульманские деятели. Одним из наиболее известных исламских идеологов, выступавших на данных форумах, являлся проживавший в Швейцарии профессор Фрибургского университета Тарик Рамадан¹. Он считался основателем концепции «Европейского ислама». Тарик Рамадан полагал, что в Европе и, прежде всего, во Франции сформировался европейский ислам или европейская исламская культура, приверженцы которой остаются верными фундамен-

¹ Тарик Рамадан – внук Хасана аль-Банны, основателя египетской ассоциации «Братья-мусульмане» (основана в 1928 г.), являлся одним из идеологов концепции европейского ислама. Он автор ряда работ, в том числе по реформированию ислама. Тарик Рамадан, наряду с преподаванием во Фрибургском университете, имел звание профессора и преподавал исламоведение в университетах Оксфорда, Роттердама и Киото. Кроме того, Тарик Рамадан, совместно со своим братом Хани Рамаданом, являлся членом административного совета Исламского центра Женевы, основанного в 1961 г. Саидом Рамаданом, их отцом и соответственно сыном Хасана аль-Банны. Президентом административного совета Исламского центра Женевы являлся Айман Рамадан, старший брат Тарика Рамадана. Членами административного совета работали также два других брата Бильаль и Ясир Рамадан, их сестра Арва Рамадан и их мать Вафа Рамадан, вдова Саида Рамадана. Тарик Рамадан и Хани Рамадан являлись также официальными хранителями наследия Хасана аль-Банны и Саида Рамадана, в связи с чем Тарик и Хани Рамаданы занимались публикацией и распространением их работ, в частности, при помощи издательства Таухид, функционирующего в г. Лионе (Франция) [Долгов, 2017, с. 31].

тальным мусульманским принципам и в то же время адаптировались к европейской культуре. Они являются мусульманами по своей религиозной принадлежности и полноценными европейцами по своей культуре. Однако Тарик Рамадан, говоря о евроисламе, уточняет, что речь идет не о создании нового ислама, а о восприятии ислама в его «изначальном подлинном динамизме и созидательности. Это позволяет его последователям интегрировать все положительное, что выработали другие культуры, с которыми они соприкасаются и, наряду с этим, критически подходить к тем аспектам, которые не соответствуют исламским ценностям» [Ramadan, 2008, p. 67].

Тем не менее часть французских исследователей, а именно профессор Фархад Хосрохавар и Хошам Дауд, директор программы изучения Ближнего и Среднего Востока в парижском «Доме наук о человеке» не считали концепцию европейского ислама значительным явлением и утверждали, что «ислам – един, а некоторые различия в его трактовке зависят от мусульман, практикующих его в различных странах»¹.

Достаточно известным исламистским идеологом во Франции являлся придерживавшийся в основном классической суннитской традиции Тарик Убру (род. 1959 г.), имам-ректор мечети в г. Бордо, один из наиболее видных идеологов в мусульманских кругах, объединившихся в СИОФ. Он разделял основные положения идеологии «Братьев-мусульман» и тем не менее считал возможным освободить ислам от всего, что мешает мусульманской мысли быть воспринятаой на Западе. В отличие от Т. Убру другой достаточно известный проповедник европейского ислама Александр Кэйро, разрабатывавший фетвы для Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям (ЕСФИ), предлагал легитимизировать личное право мусульманина выбирать свою мусульманскую идентичность на религиозной или только на культурно-исторической основе.

Определенным влиянием во Франции пользовался «индивидуальный ислам», который исповедовали в основном мусульманские интеллектуалы и часть молодого поколения мусульман. Они считали исповедание религии, а именно мусульманской, частным

¹ Беседа с Хошамом Даудом. 08.01.2010. Париж. Архив автора.

делом индивидуума и в этом их позиция совпадала с общепринятым отношением к религии во французском обществе. Ведущий научный сотрудник французской Высшей школы социальных и социологических наук (EHESS) Науфель Брахим (Naoufel Brahim) определил индивидуальный ислам как «продукт индивидуального “эго” индивидуума, его субъективное восприятие ислама, который он исповедует»¹. В то же время необходимо отметить, что число последователей индивидуального ислама невелико. В свою очередь мусульманские деятели Большой парижской мечети выступали против него и считали, что такое направление «не может существовать в исламе»².

Во французской мусульманской общине имелись также сторонники исламизма и фундаментализма, ставившие своей целью объединение всех исламских организаций в единую мусульманскую общину под своим руководством. Для данного течения характерно неприятие европейских ценностей и отказ от интеграции во французское общество. Они выдвигали концепцию коммунотаризма (от франц.: *commune*), т.е. движения за создание в районах компактного проживания мусульман своеобразных зон-коммун, где действуют традиции и законы шариата. В реальности это вело к тому, что, как отмечала отечественный исследователь Е. Деминцева, «кварталы, куда приезжали иммигранты в 1960–1970 годы, превращались в замкнутые территории со своими законами, где выходцы из мусульманских семей устанавливали свои правила» [Деминцева, 2009, с. 114].

Сторонники радикального исламизма достаточно немногочисленны и действуют полулегально, зачастую под руководством самопровозглашенных имамов, которые проповедуют в неофициальных мечетях или молельных домах. Это так называемый «ислам окраин и гаражей». Во Франции действует ряд исламских организаций, отражающих в той или иной степени идеологию вышеназванных течений ислама. Незначительная их часть входит в Союз исламских организаций Франции (СИОФ), а также представлена в Партии мусульман Франции (ПМФ), которая была создана в 1997 г. в Страсбурге. Однако ПМФ не фигурирует в списке

¹ Беседа с Науфелем Брахимом. 07.01.2010. Париж. Архив автора.

² Беседа с профессором Ивазом. 08.01.2010. Париж. Архив автора.

официально зарегистрированных во Франции политических партий, что предполагает, что ее основатели не подавали официальную заявку о регистрации партии, как это предписывается французским законодательством. Официальный сайт ПМФ (p-m-f.org) также в настоящее время не функционирует. Тем не менее ПМФ организовывала различные пропагандистские акции и делала заявления как по внутренней жизни во Франции, так и по событиям за рубежом. Довольно символична эмблема ПМФ, традиционно представляющая Францию в виде женской фигуры (Марианна – символ Франции), но с лицом, закрытым мусульманским никабом. По мнению вышеупомянутого профессора Фархада Хосроховара, около 5% французского мусульманского сообщества можно отнести к ортодоксальным фундаменталистам, отвергающим европейские ценности, и примерно одна тысяча из них являются членами полулегальных исламистских организаций, представляющих потенциальную опасность.

С 2000-х годов во Франции стали создаваться мусульманские организации, приверженцы которых заявляли, что они придерживаются республиканских и демократических принципов. Таковым являлось Движение светских мусульман (ДСМ), объединившее Французский совет светских мусульман (ФССМ) и Совет мусульман-демократов Франции (СМДФ). Основателем ФССМ стал Амо Ферхати, явившийся советником Государственного секретаря по перспективному развитию в правительстве Франции. В руководство ДСМ входили такие известные общественно-политические деятели, как преподаватель и журналист Азиз Сахири, писатель Малек Шебель, член руководства партии «Союз за народное движение» (СНД) Рашид Каси и депутат европейского парламента Джид Таздэ. Последователи ДСМ выступали против исламского фундаментализма и «за просвещенный ислам, а не за ретроградный, привнесенный из консервативных мусульманских стран»¹. Так, во время дискуссии, проводившейся во Франции относительно права французских мусульманок выражать свою принадлежность к исламу и носить никаб, сторонники ДСМ выступали против ношения никаба, в то время как ряд мусульманских орга-

¹ Les musulmans mais laïques // Lexpress. – 2009. – URL: <http://www.lexpress.fr/actualite/societe/religion/musulmans-mais-laiques> (дата обращения: 17.12.2009).

низаций высказывались за такое право. Тем не менее надо признать, что ДСМ не пользуется большим влиянием в среде французских мусульман.

Между различными организациями и течениями ислама во Франции существует определенное противостояние. Оно обусловлено как различными подходами к проблемам, затрагивающим мусульманскую общину во Франции, рядом теологических разногласий между суннитской и шиитской ветвями ислама и различными мазхабами внутри суннизма, так и связями с той или иной страной исламского мира, а также различной внешнеполитической ориентацией в связи с конфликтами, имеющими место в арабо-мусульманских регионах.

Социально-экономические проблемы, расслоение мусульманского сообщества и усиление исламистских тенденций

В то же время определенное усиление исламистских тенденций явилось своеобразной реакцией на существующие элементы дискриминации представителей мусульманской общины (при приеме на работу, учебу в элитных вузах и т.д.). Наряду с этим необходимо отметить, что большинство проблем, связанных с мусульманской диаспорой, носят скорее социально-экономический, чем межконфессиональный или межцивилизационный характер. Эти проблемы обострялись также в связи с кризисными явлениями в мировой экономике и пандемией COVID-19. Прежде всего, это касалось безработицы, от которой в наибольшей степени страдала молодежь предместий крупных городов, представленная в основном выходцами из стран арабо-мусульманского мира. Наряду с этим рост безработицы провоцировался выводом многих промышленных предприятий за пределы Франции в развивающиеся страны, где производство по причине более дешевой рабочей силы рентабельнее и дает больше прибыли. В то же время ситуация на рынке труда современного французского постиндустриального общества предполагает высокий уровень образования и специализации. Выходцам из иммигрантской среды далеко не всегда удавалось достичь такого уровня. В свою очередь семьи мусульманских мигрантов и их последующих поколений, согласно исследованиям

французских экспертов, имели от 7 до 12 детей. В то же время уровень квалификации этой избыточной рабочей силы был достаточно низок. Одновременно существует определенная дискриминация представителей мусульманской общины при найме на работу, которую французские исследователи определили, как дискриминация по «внешности и по месту жительства». Иными словами, меньше шансов устроиться на работу мигрантам с арабской внешностью и больше шансов у мигрантов с европейской внешностью и у мигрантов-кабилов, большинство которых являются противниками радикальных течений ислама. Аналогично менее охотно принимаются на работу мигранты, проживающие в районах, пользующихся репутацией криминальных. Таких, например, как кварталы на севере Марселя и некоторые районы г. Рубэ, где безработица среди трудоспособного населения мусульманской общины превышает 30%. Такая ситуация ведет к маргинализации части мусульманской молодежи, не имеющей возможности найти свою нишу на рынке труда и вынужденной заниматься мелким, зачастую полукриминальным бизнесом и наркотрафиком. При этом большая часть данной молодежи имеет французское гражданство. Однако, испытав на своем опыте, что это не всегда гарантирует им нахождение работы и достойной зарплаты, часть молодых людей чувствует себя выброшенными на обочину жизни и изгоями общества, что способствует их обращению к радикальным течениям ислама. Данную категорию мусульманской диаспоры пополняли также беженцы из стран, где происходили вооруженные конфликты (Афганистан, Мали, Ирак, Ливия, Сирия). В этой связи необходимо отметить, что Франция принимала достаточно активное участие в этих конфликтах. Причем если в Афганистане и Мали Франция выступала на стороне правительенных сил, боровшихся против радикальных исламистов, то в Ливии и Сирии, наоборот, поддерживала антиправительственные группировки, в которые входили радикальные исламисты, определяя их как «борцов с диктаторскими режимами». Такие внешнеполитические действия вольно или невольно вели к росту числа беженцев и в то же время к усилению влияния радикального исламизма во французской мигрантско-мусульманской среде. При этом некоторые из беженцев, особенно сирийских, ранее участвовали в конфликте и были приверженцами идеологии *джихада*. Такая ситуация создавала угрозу

определенной дестабилизации во французском обществе, подтверждением чему стал целый ряд террористических актов, совершенных во Франции в 2015–2022 гг. Причем большая часть данных террористических атак была совершена выходцами из мусульманской мигрантской среды, имевшими французское гражданство и либо участвовавшими ранее в конфликтах в Сирии и Ираке, либо связанных с исламистскими структурами, вербовавшими во Франции новых «джихадистов».

В то же время наряду с существованием сегмента неимущих, часть представителей мусульманской общины входит во французский средний класс, не утратив при этом свою мусульманскую идентичность. В 2015–2020-х годах в мусульманском сообществе наметилась тенденция активизации участия мусульман, имевших французское гражданство, в социально-политической жизни французского общества. Это проявилось в выдвижении их кандидатов на муниципальных и парламентских выборах, вхождении в общественно-политические и правозащитные организации, активизации влияния мусульманских организаций на общественную мысль Франции. Так, например, в 2012 г. в первый раз в истории Франции около 400 французских граждан, выходцев из арабо-мусульманского сообщества, баллотировались на парламентских выборах (общее число кандидатов составляло 6611) и более 10 из них вошли в число 571 избранного члена парламента [Kepel, 2014, р. 13]. Представители французских мусульман активно работали в Национальной консультативной комиссии по правам человека, защищая право мусульман на выражение принадлежности к исламу.

Одна из наиболее известных мусульманских организаций Союз мусульманских ассоциаций 93¹ (СМА 93) (*Union des associations musulmanes – UAM 93*), действовавшая в районе Сен-Дени, пригороде Парижа, где проживало около 450 тыс. мусульман, в основном выходцев из Северной Африки, регулярно публиковала на своем интернет-сайте материалы, освещавшие жизнь мусульманской общины, подробности муниципальных выборных кампаний, а также критику властей, поощрявших, по мнению генерального секретаря СМА 93 Мухаммеда Энниша (*Mouhammed*

¹ Число 93 означает номер департамента, в который входит район Сен-Дени. – Прим. авт.

Henniche), «исламофобию и расизм»¹. Руководители СМА 93 являлись выходцами из Союза исламских организаций Франции (СИОФ). Многие из них вышли из мусульманской студенческой среды, из которой сформировался круг постоянных участников конференций по теоретическим проблемам ислама под руководством выше упоминавшегося идеолога евроислама Тарика Рамадана. На них дискутировались различные направления исламской идентификации, включавшие в себя доктрины «Братьев-мусульман» и салафизма².

Такие мусульмане – граждане Франции активно участвовали в социально-политической, экономической, религиозной и культурной жизни французского общества. Причем это касалось и достаточно радикально настроенной части французских мусульман. Так, в г. Рубэ на северо-востоке Франции в мечети при местной мусульманской общине, исповедующей салафизм, ее имам в интервью французскому телеканалу высказался положительно по поводу возможности «принятия во Франции законов шариата и, в соответствии с ним, телесных наказаний, когда мусульмане во Франции станут большинством населения» [Kepel, 2014, p. 149]. Естественно, это вызвало резкие протесты во французских СМИ и в обществе в целом.

Антиисламские тенденции и раскол во французском обществе

Усиление присутствия ислама в различных сферах жизни страны, количественный рост мусульманской диаспоры, маргинализация и радикализация части ее молодежи на фоне явного ослабления традиционной христианской церкви вызывали растущую обеспокоенность во французском обществе. В особенности это касалось гипотетического «мусульманского будущего» Франции. Проявлением таких опасений стал в том числе роман, политическая антиутопия «Покорность» (*Soumission* – франц. яз.) известного французского писателя Мишеля Уэльбека (Michel Houellebeck).

¹ Беседа с Мухаммедом Эннишем. 15.06.2013. Париж. Архив автора.

² Qui sommes-nous? // Urgence Rohingyas. – 2015. – URL: <http://www.uam93.com/uam-93/> (дата обращения: 02.03.2015).

Сюжет романа представляет собой фантасмагорию прихода к власти во Франции президента-исламиста, победившего на выборах кандидата «Национального объединения» (НО) Марин Ле Пен и проводящего исламизацию Франции, а затем всей Европы. Данная гипотетическая возможность действительно выглядит утопичной, и тем не менее она отражает антиисламские настроения части французского социума.

Такие тенденции в особенности усилились после целой серии вышеуказанных террористических актов во Франции в 2015–2022 гг., в результате которых пострадали сотни французских граждан. При этом необходимо отметить, что все организации французского мусульманского сообщества решительно осудили данные террористические акты, после которых французские власти предприняли ряд мер по усилению общественной безопасности. В то же время были организованы дискуссии о месте и роли ислама во Франции, в которых приняли участие представители научного востоковедного сообщества, общественно-политических, религиозных организаций, как мусульманских, христианских, так и других конфессий. В поддержку республиканских ценностей высказывался также целый ряд общественно-политических организаций, выступавших в своих заявлениях против попыток «исламизации Франции». В свою очередь в мае 2021 г. более 200 отставных офицеров французской армии и бывших руководителей французских силовых структур направили открытое письмо президенту Э. Макрону. В нем они критиковали неспособность властей эффективно бороться с радикальным исламизмом. В их поддержку выступила часть действующих военных, также написавших письмо президенту Франции, в котором писали о «бандах преступников и исламистов, орудующих на окраинах французских городов, провоцирующих угрозу гражданской войны»¹.

Отражением таких настроений можно считать значительную поддержку, полученную Марин Ле Пен, председателем партии Национальное объединение (НО) на президентских выборах во Франции, позволившую ей наряду с действующим президентом

¹ «Вернуть честь нашим правителям»: 20 генералов призывают Макрона защитить патриотизм // ИНОСМИ. – 2021. – 27.04. – URL: <https://inosmi.ru/20210427/249642082.html> (дата обращения: 15.03.2023).

Эммануэлем Макроном выйти во второй тур 24 апреля 2022 г. В результате голосования президентом Франции был избран Э. Макрон, получивший 58,5% голосов избирателей, Марин Ле Пен завоевала 41,5%¹. При этом данное число, проголосовавших за Марин Ле Пен является наибольшим количеством голосов, подававшихся за кандидата НО за все время его существования. Необходимо отметить, что расхожее мнение, что партия НО является ультраправой, выражает антииммиграционные и антимусульманские взгляды, не совсем соответствует действительности. Так, член руководства НО Бруно Голниш (Bruno Gollnisch) подтверждал, что «НО требовало радикального пересмотра эмиграционной политики, но никогда не выступало против мигрантов-мусульман, как таковых, тем более против мусульман, получивших французское гражданство, и высказывалось за сосуществование в единстве во Франции двух общин – христианской и мусульманской»[Geisser, Zemouri, 2007, p. 158].

Своеобразным символом подтверждения такой позиции можно считать то, что ближайшим соратником председателя НО Марин Ле Пен² являлся Фарид Смахи (Farid Smahi), уроженец Алжира, в возрасте 20 лет эмигрировавший во Францию. После встречи и личной беседы с Жаном-Мари Ле Пеном, отцом Марин Ле Пен и основателем НО, предложившим ему вступить в НО и баллотироваться на муниципальных выборах в списке его кандидатов, Фарид Смахи стал одним из самых активных пропагандистов программы НО. Вскоре Фарид Смахи был назначен региональным советником НО в центральном районе Иль-де-Франс, а затем советником в городском комитете в Париже и членом политического бюро НО. Стратегия руководства НО в отношении «мусульманского вопроса» объяснялась как политическими, так и практическими эlectorальными мотивами. Данная стратегия при-

¹ Présidentielle-2022 // Resultats-elections. – 2022. – URL: <https://www.internaute.com/actualite/politique/2353975-resultat-presidentielle-2022-macron-reelument-preoccupe-par-les-elections-legislatives/> (дата обращения: 26.04.2022).

² Семейную традицию активного участия в политической жизни Франции продолжает внучка Жана-Мари Ле Пена – Марион Марешаль-Ле Пен (род. в 1989 г.), избранная в 2011 г. от Национального объединения в Национальную ассамблею (французский парламент) и ставшая самым молодым членом парламента за всю новейшую историю Франции.

носила свои плоды, и часть мусульман, представлявших вторую по численности ее адептов религию во Франции, голосовали за кандидатов НО. В программе НО в президентской кампании 2022 г. главными темами наряду с экономическими мерами по подъему уровня жизни французских граждан, были такие, как «проведение референдума по ограничению эмиграции, с включением этого пункта в Конституцию и проект закона по борьбе с радикальным исламизмом»¹.

Достаточно значительную поддержку в результате голосования в первом туре президентских выборов 2022 г. – 7,07% (четвертое место) получил ранее не участвовавший в выборных кампаниях Эрик Земмур, журналист, писатель и политолог, выступавший с радикально антимигрантскими и антиисламскими лозунгами. В его программе фигурировали такие пункты, как «ноль – эмиграции, запрет ношения никаба в общественных местах, предоставление пособия в 10 тыс. евро для стимулирования рождаемости для французских семей в сельской местности, лишение французского гражданства и высылка из Франции правонарушителей с двойным гражданством»².

Третье место в первом туре голосования занял кандидат левоориентированной партии «Непокорившаяся Франция» Жан Люк Меланшон – 21,95% голосов. Его программа предлагает переход к парламентской Республике с большим контролем граждан за действием властных структур, недопущение роста цен на электроэнергию и отопление, увеличение минимальной зарплаты.

Заключение

Мусульмане стали весьма заметным сегментом населения Франции. Многие из них восприняли европейские цивилизационные ценности и в достаточной степени интегрировались во фран-

¹ Electionnes présidentielles en France: douze candidats pour le premier tour // Le Quotidien. – 2022. – 10.04. – URL: <https://lequotidien.lu/a-la-une/elections-presidentielles-en-france-douze-candidats-pour-le-premier-tour/> (дата обращения: 11.04.2022).

² Dabert F. Résultat présidentielle 2022: scores et bilan de l'élection // L'internaute.com. – 2022. – 28 Avril. – URL: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/2353975-resultat-presidentielle-2022-macron-sacre-percee-de-le-pen-irruption-de-zemmour-ce-qu-il-faut-retenir/> (дата обращения: 26.04.2022).

цузское общество. В то же время значительная часть мусульманского сообщества стремится сохранить свою исламскую религию и идентичность. Причем в своем отстаивании права исповедовать ислам и выражать свою принадлежность к нему эта категория французских мусульман использует демократические законы и традиции Франции. При этом достаточное число мусульман – граждан Франции представлено во французском бизнес-сообществе, культурной сфере, массмедиа и политическом истеблишменте. Получив мандат депутатов муниципалитета, департамента и Национальной ассамблеи (парламента) Франции, они становились представителями не только мусульманской общины, но всех французских граждан.

Активизация мусульманского сообщества и усиление присутствия ислама во Франции вызывает неоднозначную реакцию французских граждан. Часть политического истеблишмента, научного востоковедного сообщества принимает и разделяет позицию этой части мусульман. Во многом следствием этого стало изменение определения ислама, сделанного во времена президента Н. Саркози, с термина «ислам во Франции» (фр.: islam en France) на «французский ислам» (фр.: islam de France). Последний термин можно трактовать таким образом, что ислам становится составной частью общественно-политической и религиозно-культурной сфер жизни французского общества.

Вместе с тем в последние годы, в особенности после активизации террористической активности радикальных исламистов, набирали силу общественно-политические движения, заявлявшие об «опасности исламизации Франции», и продолжались дебаты относительно французской национальной идентичности и роли ислама в ней. Часть политического истеблишмента и востоковедного сообщества высказывала обеспокоенность по поводу усиления влияния ислама и индифферентного отношения к этому светской республиканской Франции. Отражением такой обеспокоенности, вероятно, можно считать принятие законов о запрещении выражения принадлежности к религии (в том числе ношения никаба мусульманками) в общественных местах и о борьбе с сепаратизмом, направленным на противодействие так называемому «коммуно-таризму».

В то же время поколения французских мусульман, родившихся во Франции и получивших французское гражданство, с одной стороны, стали более активно участвовать во всех сферах жизни страны. С другой стороны, обострение социально-экономических проблем, в первую очередь затронувших мусульманскую молодежь, наряду с рядом внешних факторов, явилось причиной маргинализации ее части и распространения в ее рядах идеологии радикального исламизма. Это провоцировало рост исламофобии, в особенности после ряда терактов в 2015–2022 гг., что обусловило некое размежевание во французском обществе. Данные процессы подтверждали, что мусульманское сообщество со всеми присущими ему противоречиями и проблемами, становилось интегральной частью французского общества, что явилось важным фактором его определенной трансформации. В то же время результаты этих процессов и изменения, происходившие во французском обществе, показывали, что мультикультурализм как явление, предполагающее сосуществование и взаимообогащение различных культур, на настоящий момент вряд ли можно считать состоявшимся во французском социуме.

Список литературы

- Деминцева Е.Б. Ислам и интеграция: восприятие религии предков представителями второго поколения магрибинских иммигрантов во Франции // Ислам в Европе и в России. – 2009. – С. 104–119.
- Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). – Москва : URSS, 2017. – 158 с.
- Ислам. Энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1991. – 311 с.
- Коран. – Москва : Издательство восточной литературы, 1963. – 714 с.
- Arkoun M. La pensée arabe. – Paris : PUF, 2012. – 144 p.
- Constitution française du 4 octobre 1958. – Paris : La documentation française, 2011. – 56 p.
- Geisser V., Zemouri A. Marianne et Allah. Les politiques française face à la question musulman. – Paris : LA DECOUVERTE, 2007. – 300 p.
- Godard B., Taussig S. Les musulmans en France. – Paris : Hachette Literatures, 2007. – 464 p.
- Institut musulman de la mosquée de Paris. – Paris, 2008. – 32 p.

- Kepel G. Identité confessionnelle et identité politique // L'islam en France / eds.: Y. Ch. Zarka, S. Taussig, C. Fleury. – Paris : Presses univ. de France, 2004. – P. 137–142.
- Kepel G. Passion française. – Paris : Edition Gallimard, 2014. – 908 p.
- Ramadan T. Face à nos peurs. – Lyon : Tawhid, 2008. – 138 p.
- Sarkozy N. La République, les religions, l'espérance. – Paris : CERF, 2004. – 209 p.

References

- Arkoun M. (2012). *La pensée arabe*. Paris: PUF, 144 p. (In Fran.)
- Constitution française du 4 octobre 1958*. (2011). Paris: La documentation française. (In Fran.)
- Demintseva E.B. (2009). Islam and integration: perception of the religion of the ancestors by representatives of second generation of the Magreb immigrants in France. *Islam in Europe and in Russia: collection of the articles*. Moscow: Dom Mardjani, pp. 104–119. (In Russ.)
- Dolgov B.V. (2017). *Arabic Moslem community in France. Islamic identification and secular democracy (1980–2016)*. Institute of Oriental studies of Russian Academy of Sciences. Moscow: URSS, 158 p. (In Russ.)
- Geisser V., Zemouri A. (2007). *Marianne et Allah. Les politiques française face à la question musulman*. Paris: LA DECOUVERTE, 300 p. (In Fran.)
- Godard B., Taussig S. (2007). *Les musulmans en France*. Paris: Hachette Literatures, 464 p. (In Fran.)
- Institut musulman de la mosquée de Paris*. (2008). Paris, 32 p. (In Fran.)
- Islam. Encyclopaedic dictionary*. (1991). Academy of Sciences of USSR. Moscow: Sciencies, 311 p. (In Russ.)
- Kepel G. (2004). Identité confessionnelle et identité politique In eds.: Zarka Y.Ch., Taussig S., Fleury C. *L'islam en France*, pp. 137–142. (In Fran.)
- Kepel G. (2014). *Passion française*. Paris: Edition Gallimard, 908 p. (In Fran.)
- Koran*. (1963). Translate Kratchkovsky I.Y. Moscow: Oriental Literature, 311 p. (In Russ.)
- Ramadan T. (2008). *Face à nos peurs*. Lyon: Tawhid, 138 p.
- Sarkozy N. (2004). *La République, les religions, l'espérance*. Paris: CERF, 209 p. (In Fran.)

**ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

№ 2 (2) – 2023

Научный журнал

Оформление обложки *I.A. Михеев*

Техническое редактирование и
компьютерная верстка *O.B. Егорова*

Корректоры Л.Н. Казимирова, А.А. Чукаева

Подписано к печати 29 / XI – 2023 г.

Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 7,25 Уч.-изд. л. 6,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 188

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литер У